

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи.—Русскій Архивъ.—Нѣсколько замѣтокъ по поводу книги Вамбери: „Путешествіе по Средней Азіи“.—Im Auftrage Sr. Majestäts des Königs von Preussen mit dem englischen Expeditionskorps in Abessinien.—Meine Erlebnisse mit dem englischen Expeditionskorps in Abessinien 1867—1868.—Scherman's Feldzug in Georgien.

Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи, г. Т. («Русскій Вѣстникъ» 1869 г. № 1—4).

Лѣтъ пять тому назадъ, сперва въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а потомъ отдельной книжкой, были напечатаны «Воспоминанія кавказскаго офицера», обнимающія событія кавказской войны съ 1835 по 1838 годъ.

Въ 1869 году, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» снова появился рядъ статей, подъ заглавіемъ «Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи», служащихъ какъ бы началомъ къ «Воспоминаніямъ кавказскаго офицера» и, безъ сомнѣнія принадлежащихъ одному и тому же автору. Въ свое время библиографическій отдѣлъ «Военнаго Сборника» далъ довольно полный отчетъ о «Воспоминаніяхъ кавказскаго офицера» (*). Полагаемъ, что и теперь подробный разборъ «Воспоминаній о Кавказѣ и Грузіи» будетъ излишнимъ, какъ потому, что сочиненіе это имѣетъ тѣсную связь съ «Воспоминаніями кавказскаго офицера», такъ и потому еще, что въ нашей литературѣ это едва ли не единственные мемуары, довольно обстоятельно знакомящіе съ общественной, служебной и боевой жвзнію прежняго, стараго Кавказа. «Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи» написаны офицеромъ

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1865 г. № 11.
Т. LXXI. Отд. II.

генеральнаго штаба и относятся къ началу тридцатыхъ годовъ, когда отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ командовалъ баронъ Григорій Владиміровичъ Розень, а, такъ называемою, кавказскою линією заведывалъ столь извѣстный, въ свое время, генераль Алексій Александровичъ Вельяминовъ.

Говоря вообще, «Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи» отличаются тѣми же литературными достоинствами, какъ и «Воспоминанія кавказскаго офицера». Знаніе края, далеко недюжинная наблюдательность, безпристрастная оцѣнка людей и событій, наконецъ мѣстами живой и увлекательный разсказъ, особенно о военныхъ сценахъ, придаютъ и этому сочиненію г. Т. чрезвычайную занимательность и серьезный интересъ.

Статьи г. Т. въ особенности должны быть дороги «старымъ кавказцамъ», въ памяти которыхъ онѣ, по всей вѣроятности, вызовутъ и возобновятъ много отрадныхъ и грустныхъ воспоминаній о дѣлахъ и лицахъ, болѣею частью уже позабытыхъ, о мѣстахъ и краѣ, сильно измѣнившихъ свою прежнюю фізіономію.

Дѣйствительно, въ послѣднія сорокъ лѣтъ измѣнилось многое на Кавказѣ и за Кавказомъ. Цивилизующее начало русской жизни коснулось не одной мирной Грузіи, но уже видимо стало проникать въ горы, такъ еще недавно считавшіяся, для насъ, трудно доступными по природѣ и враждебными по ихъ воинственному населенію. Окрестные пустыри чисто-азиатскаго Тифлиса теперь представляютъ вѣроятно-застроенный европейскій городъ; грузинская жизнь, съ ея восточнымъ застоємъ и патріархальнымъ, распущеннымъ гостепріимствомъ, замѣтно стала проявляться въ болѣе оживленной, дѣятельной и разумно-расчетливой формѣ; благотворныя начала современныхъ реформъ, которыми не обойдены самыя отдаленныя окраины русскаго царства, и этому краю открыли широкую дорогу къ мирному гражданскому развитію и цивилизаціи.

Совсѣмъ иное было въ тридцатыхъ годахъ. По словамъ г. Т., въ это время Тифлисъ, не только по наружности, но и по характеру народнои жизни, принадлежалъ къ числу городовъ самороднаго азиатскаго типа. Русскія понятія и привычки едва начинали прививаться здѣсь только въ верхнемъ слоѣ грузинскаго общества; масса же оставалась тѣмъ, чѣмъ была при своихъ царяхъ. Населеніе города нуждалось въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностяхъ; за овощи, живность, молоко, сливки и проч. приходилось платить дорогія деньги; почти вся торговля въ городѣ сосредоточивалась въ рукахъ армянъ, пользовавшихся совершенной монополіей; тѣмъ не менѣе, по отзыву

г. Т., въ то время жизнь въ Грузіи стоила баснословно-дешево: за какихъ-нибудь четвертакъ въ сутки жилось гораздо привольнѣе, чѣмъ, десять лѣтъ спустя, можно было жить за нѣсколько цѣлковыхъ.

Тифлисскія постройки и дома въ то время были патриархальной архитектуры и безъ всякихъ удобствъ; даже въ лучшихъ домахъ ни одна дверь не запиралась на замокъ и въ комнатахъ не имѣлось ни одного шкапа, сундука или стола съ ключомъ. О театрѣ, о клубѣ и о другихъ общественныхъ удовольствіяхъ тогда еще не было и помину; даже трактирная жизнь не была въ ходу между русской служащей молодежью. Каждому приходилось жить своимъ козыствомъ и довольствоваться большею частью холостымъ кружкомъ знакомыхъ, потому что нелегко было для русскихъ проникнуть въ кругъ грузинскаго, а тѣмъ болѣе армянскаго семейства. Мѣстное зажиточное населеніе, или, такъ называемое, высшее тифлиское общество того времени еще сильно дичилось русскихъ; оно жило особнякомъ въ домахъ, окруженныхъ высокими оградами, изъ-за которыхъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, появлялось на загородныхъ гуляньяхъ, или на официальныхъ балахъ и вечерахъ у корпуснаго командира. Небогатое дворянство и кучечество средней руки было болѣе сообщительно и жило гораздо веселѣе. По вечерамъ, когда спадалъ дневной зной, на плоскихъ крышахъ ихъ домовъ начиналась самая оживленная жизнь съ музыкой, плясками и нескончаемыми попойками, а улицы наполнялись густой толпой гуляющихъ, среди которой перестрѣли цѣлыя вереницы закутанныхъ въ «чадры» грузинокъ, возвращавшихся изъ теплыхъ бань, которыя въ то время составляли нѣчто въ родѣ общественныхъ удовольствій и развлеченій для всѣхъ половъ и возрастовъ тифлискаго населенія.

Тихо и мирно жилось тогда, однако, лишь въ одномъ Тифлисѣ, и совсѣмъ иная обстановка и иное настроеніе господствовали въ горахъ его окружающихъ и, на такъ называемой, тогдашней «линіи». Какъ извѣстно, начало тридцатыхъ годовъ было самое тревожное время на Кавказѣ. Это была пора славы Кази-Муллы, начавшаго съ поразительнымъ успѣхомъ проповѣдывать въ горахъ новое мусульманское ученіе (юридизмъ) и, при помощи своихъ послѣдователей-муродовъ, распространявшаго здѣсь свою власть. Нѣсколько удачныхъ набѣговъ на нашу границу, въ особенности же разграбленіе Кизляра, доставили ему высокое значеніе въ глазахъ горцевъ, которые стали призывать его «шихомъ» (святымъ) «имамомъ» (пророкомъ), и не жалья головы, готовы были идти, подъ его предводительствомъ, на «казавать», священную войну противъ гауровъ-русскихъ.

Все это, конечно, не имѣло бы особенной важности, если бы Бази-Мулла не принялся всѣми мѣрами направлять горцевъ къ одной общей цѣли—къ единодушному сопротивленію русской силѣ. Для этого Бази-Мулла намѣревался произвести общее возстаніе горцевъ на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ бывшей кавказской линіи, къ чему и сталъ дѣятельно готовиться.

Чтобы не дать разыгратъ столь опасной игрѣ и чтобы наказать взволнованныхъ горцевъ, рѣшено было произвести нѣсколько экспедицій въ самую глубь горскаго населенія.

Съ этою цѣлію въ 1832 году, подъ личнымъ начальствомъ генерала барона Розена, войсками нашими и были совершены галгаевская и чеченская экспедиціи, мастерскому описанію которыхъ г. Т. посвящаетъ значительную долю своихъ «воспоминаній».

Галгаевцы, небольшое кистинское племя, обитавшее вблизи военнo-грузинской дороги, въ неприступныхъ ущельяхъ рѣкъ Ассы и Фортанги, въ началѣ 1832 года явно пристали къ Бази-Муллѣ, убили нашего пристава, двухъ священниковъ—мисіонеровъ и открыли грабежи на военнo-грузинской дорогѣ. Само собою разумѣется, что такого рода поступки нельзя было оставлять безъ вниманія. Между тѣмъ, галгаевцы, считая мѣста, которыя они занимали, совершенно недоступными для русскихъ войскъ, отвергли всѣ предложенія покориться и выдать главныхъ зачинщиковъ. Необходимость уничтожить вѣру въ силу ихъ притоновъ и доказать имъ, на дѣлѣ, что для русскихъ войскъ нѣтъ неприступныхъ мѣстъ, заставила генерала барона Розена рѣшиться на эту въ высшей степени рискованную и трудную экспедицію.

Предпріятіе это, въ свое время, вызвало заслуженное удивленіе и надѣлало много шума даже среди такихъ войскъ, какъ кавказскія. И, дѣйствительно, судя по описанію г. Т., было чему удивляться, въ виду тѣхъ трудностей и лишеній, съ которыми пришлось бороться нашимъ войскамъ въ этомъ походѣ.

«Восемь дней, говоритъ Т., прошло отъ начала движенія въ горы, а непріятеля мы не видали и даже навѣрное не знали куда онъ дѣвался. Между тѣмъ запасы истощались, небольшое число воловъ, слѣдовавшихъ за колонной, были уже съѣдены, а о непріятельскомъ скотѣ, на который мы рассчитывали, не было и помину».

Карабаясь по едва-проходимымъ горнымъ тропинкамъ, отрядъ нашъ, наконецъ, приблизился къ горѣ Гай, на которую, по словамъ лазутчиковъ, укрылся непріятель со своими семействами и стадами. Такъ какъ, до сихъ поръ, наши войска не имѣли еще ни

одной стынѣ съ галгаевцами, то и приказано было авангарду, подъ начальствомъ кельовника Заса, атаковать гору Гай и, во что бы то ни стало, добраться до неприятеля, узнѣшаго сосредоточиться здѣсь въ довольно значительномъ числѣ.

На спешно легко было выполнять подобныя предпріятія, и съ великии опасностями онѣ были сопряжены для нашихъ кавказскихъ войскъ, можно судить по разсказу г. Т., который ны цѣлкомъ замѣтнуемъ наъ его «Воспоминаній».

«Волнистый, ларытый оврагами, усѣянный скалами всѣхъ формъ и разбросъ, травянистый скатъ, коронованный отвѣсною гранитною стѣной, не менѣе тысячъ футовъ вышины, открылся нашему взгляду. Крутизна ската возрастала по мѣрѣ его возвышенія. Гранитный валъ, на который намъ слѣдовало лѣзть, до половины былъ задернутъ облакомъ. Что срывалось за непроницаемымъ туманомъ, волновавшая надъ вершиной Гай-горы, зналъ одинъ Господь.

«Засѣ померщился, поглядѣвъ длинныя рыжеватые усы; но вдругъ присанился на сѣдлѣ — онъ былъ молодецъ на лошади и отлично зналъ кавказскіе порядки — и спросилъ своимъ обычнымъ, полумутливымъ, полупроническимъ тономъ, у приютаго истинца-лазутчана: «гдѣ дорога на гору?»

«Истинецъ разразился потокомъ гортанныхъ звуковъ. Меревоцникъ осетникъ сталъ перелагать его слова на русскій языкъ. Оказалось, что начело дороги, ведущей по травянистому скату къ верхнимъ скаламъ осталось далеко за нами.

— Можно-ли добраться до скалъ безъ дороги, напрямикъ? спросилъ Засѣ.

— «Верхомъ невозможно, а пѣшій человекъ, полагаю, дойдетъ.

— А когда доберемся до верхней дороги, можно-ли по ней вѣхать верхомъ и сколько человекъ могутъ идти рядомъ?»

— Верхомъ — никакъ! Бабы не стали стрѣлять, то лошадей можно бы провести въ поводу, а такъ и пѣшему будетъ нелегко взойти; дорога тѣсная, и на ней лежатъ большіе камни.

— Есть-ли другіе пути на вору?

— Есть, гораздо правѣе, еще два подъема, но они много хуже: по нимъ опасаются гонять даже мость.

— Много-ли на горѣ галгаевцевъ? Лайдаки, говорятъ, спать.

— Много-ли, скавать не могу. Въ Галгаѣ наберется ружей шестьсотъ, но не воѣ на горѣ; а спать имъ, когда русскіе такъ близко, кахисъ, не время. Мы ихъ не видимъ, а они видятъ все

что мы делаемъ. Ружье бы во бѣда, прибавилъ истинноцъ, а вотъ что худо—и указалъ на камни.—Стануть въ насъ выдать.

«Дѣйствительно, камень, пущенный съ высоты, какая находилась предъ нами, могъ надѣлать порядочной бѣды и стоить любаго ядра.

«Кончивъ распрѣсь, Зассъ покумалъ съ минуту, потомъ громко окомандовалъ: «Садись! марш!» и круто поворотилъ свою лошадь въ горѣ, мѣжавшей влѣво отъ нашей прежней дороги.

«Находясь возлѣ него, я не удержался спросить по-нѣмецки, смѣемъ—ли мы ожидать успѣха отъ нашего замысла, имѣи, для занятія такой сильной позиціи, закрытой отъ насъ туманомъ и обремененной хотя бы сотнею горцевъ, не болѣе ста двадцати человекъ, когда люди спѣшатся и при лошадяхъ будетъ оставлено необходимое число коноводовъ.

— Про это ничего не знаю. Мнѣ приказано занять гору, «пользуясь оплошностію непріятели»—прибавилъ Зассъ; иду ее занимать.

«Около версты мы проѣхали верхомъ, сначала прямо, а потомъ давня по покатоности углы вправо и влѣво. Позже мы повели лошадей въ поводу, и, высмотрѣвъ на полугорѣ широкую скалу, помѣстили ихъ за нею, а сами пошли, раздѣлившись на двѣ партіи: осетины налѣво, казаки направо. Было приказано хранить глубокое молчаніе, и, на случай встрѣчи съ непріателемъ, не терять времени на перестрѣлку, а очищать себѣ дорогу шапкой. Съ каждымъ шагомъ гора становилась круче, пришлось ползти на четверенькахъ; цѣпляясь руками за кочки и за камни.

«Въ это время, облака, какъ бы на зло намъ, волнухаясь, стали опускаться и сперва скрыли осетинъ отъ нашихъ глазъ, а потомъ накрыли насъ самымъ густымъ, мокрымъ туманомъ. Десять минутъ смутя зашелкали, влѣво отъ насъ, выстрѣлы, раздался крикъ, и потомъ все утихло! осетины наткнулись на непріятельскій караулъ; наше движеніе было открыто. На мгновеніе мы пріестановились, прислушиваясь и вглядываясь въ туманъ, въ которомъ едва могли видѣть своихъ собственныхъ, рассыпанныхъ по косогору, казаковъ; нетерпѣливо хотѣлось узнать, что будетъ дальше. Недолго продолжалось наше невѣдѣніе. Надъ нами послышался рѣзкій свистъ, и мимо пролетѣлъ камень, прыгая по крутому скату горы; вслѣдъ за нимъ летѣли другіе камни.

— Въ гору, казаки! живо впередъ, молодцы! закричалъ Зассъ, иковыляя раненою ногой, цѣпляясь ногтями, сталъ карабкаться на крутивну. Въ это мгновеніе гора дрогнула, громовой ударъ разразился надъ нашими головами, камни посыпались градомъ; обломки

скала, рикошетируя по скалу, бороздила землю, дробилась и сыпалась во все стороны свои смертоносные осколки! Въ туманѣ раздались крики и стоны. Недалеко отъ насъ, камень огромной величины надѣлъ прямо на казана, далъ рикошетъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ живой человѣкъ, остался, въ землю врытая, масса крови и мяса. Десять шаговъ дальше, не было видно кто раненъ, кто убитъ. Грѣмъ усиливался, камни ложились около насъ все гуще да гуще, Засъ не переставалъ кричать: «впередь!» Люди лѣзли на гору. Графа Цукато (*) ударило осколкомъ въ плечо; онъ упалъ, сшибъ меня съ ногъ, и мы стремглавъ повалились подъ гору, напрасно стараясь уцѣлиться за гладкую почву. Я ободралъ себя все ногти. Въ счастіе, ниже-находившіеся казаны, перерѣзавъ дорогу, остановили наше паденіе. Засъ, увидавшій какъ мы оба разомъ упали, счелъ насъ убитыми, и такъ былъ пораженъ этою мыслью, что у него, какъ отъ признавался позже, совершенно невольно вырвалось приказаніе: «казаны, стой! за скалу!» Вправо отъ насъ, шпиль, торчалъ высокой камень, илѣвшій шаговъ двадцать въ основаніи. Въ игнореніе она смотрѣлась за нимъ человѣческая масса, увязавшая, на поверности, лохматыми шапками и ружьями, торчавшими во все стороны, подобно ежовой щетинѣ. Подъ камнемъ былъ мертвый уголъ, укрывавшій отъ ударовъ, посылаемыхъ сверху, шаговъ на восемь. На этомъ пространствѣ прижалось насъ человѣкъ шестьдесятъ. Пятерыхъ, сколько помню, не досчитались. Нѣсколько казавовъ, несмотря на опасность, попомзли отыскивать подшибенныхъ. Положеніе наше и за скалой было не совсемъ пріятно. Въ густомъ туманѣ, между небомъ и землей, вдали отъ всякой помощи, мы тянули время въ томительномъ ожиданіи неотразимаго непріятельскаго нападенія. Противъ нашей полусотни непріятель могъ выставить нѣсколько сотъ ружей; все выгоды были на его сторонѣ: онъ зналъ мѣстность и владелъ неприступною высотой. Темъ временемъ камни продолжали валиться съ горы; свистъ и грохотъ оглушали насъ; случалось, огромный гранитный обломокъ ударялъ въ вершину нашей спасительной скалы, и она, вздрогнувъ, начинала покачиваться: того и гляди накроетъ на вѣчныя времена. У всехъ лица повятагивались; даже Засъ пересталъ шутить и трунить: кажется, онъ шепталъ про себя молитву; казаны, тѣ молились громко.

«Опытъ доказалъ совершенную невозможность продолжать наступленіе: до верху непріятель могъ встрѣтить насъ на узкой тропинкѣ и одного за другимъ сбросить съ высоты; оставаться за скалою было

(*) Ординарецъ барона Розена.

опасно и ни къ чему не вело; отступить безъ приказанія Зассъ не хотѣлъ. Я предложилъ избрать средній терминъ: написать къ начальнику штаба записку, съ просьбою о подрѣзленіи или разрѣшеніи отступить сегодня съ тѣмъ, чтобы завтра возобновить атаку. Зассъ согласился на мое предложеніе, и чрезъ десять минутъ два казака побѣжали подъ-гору, съ категорическимъ объясненіемъ нашего положенія.

«Часа полтора мы уже прождали, и отвѣта еще не было. Изрѣдка пролеталъ мимо насъ камень, какъ бы пущенный только въ ознаменованіе того, что на горѣ не дремятъ. Неожиданно нарушилось это бездѣйствіе. Гора заходила ходномъ, загудѣли камни, засвистали осколки. Наклонивъ головы, прижавшись къ скалѣ, просидѣли мы около двадцати минутъ, не слыша, собственного голоса отъ страшнаго шума и не понимая, почему непріятель такъ расходился, когда мы сами и не думали трогаться съ мѣста. Послѣ того Гай-гора совершенно замолкла: это былъ послѣдній актъ представленія, въ которомъ судьба заставила насъ разыграть довольно незавидную роль. Между тѣмъ стемнѣло и получено было приказаніе отступить. Пользуясь темнотою и взявъ предосторожность идти одинъ за другимъ не ближе пяти шаговъ, мы отступили безъ всякой потери въ лагерь, гдѣ, всѣ безъ исключенія, радовались счастію, позволившему намъ отдѣлаться такъ дешево».

На другое утро, атака горы Гай была возобновлена всѣмъ нашимъ отрядомъ и, благодаря тому, что непріятель наконецъ истощилъ весь запасъ камней, гора была занята нами; горцы, однако, успѣли заблаговременно уйти и унать свои стада.

Съ занятіемъ Гай-горы, отрядъ нашъ отправился въ обратный путь. При этомъ, авторомъ «Воспоминаній» разсказанъ одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, которые такъ часто случались на Кавказѣ и которые такъ хорошо характеризуютъ его горную войну.

По обыкновенію, отрядъ тянулся безконечною нитью, лошадей за лошадью, солдатъ за солдатомъ. Въ головѣ шли саперы и два баталіона эриванцевъ; въ хвостѣ мавалерія, прикрытая свадой егерскимъ баталіономъ. Въ центрѣ колоны солдаты несли артилерію на рукахъ, и ѣхалъ корпусный командиръ со штабомъ.

«Ничего не можетъ быть скучнѣе и утомительнѣе подобнаго шествія, говорить г. Т. Одинъ человекъ остановится, и всѣ за нимъ идущіе должны стоять. Часа три уже мы топились такимъ образомъ, когда неожиданно люди стали останавливаться, призывая одинъ къ другому.— «Не останавливайся тамъ вперед! подавайся!» кричали

въ атаку. Но оказалось, что идти дальше было невозможно. Не-
приятель занялъ въ башню, мимо которой дорога проходила не далее
двадцати шаговъ и стрѣлялъ очень мѣтко. Между тѣмъ, обойти
башню или взять ее штурмомъ было дѣломъ нелегкимъ. Она ока-
залась весьма крѣпкой постройкой, стояла на отдѣльной гранитной
скалѣ и совершенно командовала дорогой при началѣ спуска въ до-
лину. Двери въ башню, сложенные изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ
и заваленыя внутри камнями, находились ежени три выше почвы.
Лѣстницы къ дверямъ не имѣлось. Углия бойницы, пробитыя по всѣмъ
направленіямъ, позволяли стрѣлять во всѣ стороны; въ башнѣ цар-
ствовало молчаніе, прерываемое лишь рѣдкими огнемъ, по которому,
однако, нельзя было заключить, сколько человѣкъ въ ней заперлось.
Осетины, послѣ долгаго исканія, нашли способъ перебраться черезъ
гору въ аулъ, лежащій въ башней. Отрядъ, однако, не могъ слѣдо-
вать этимъ путемъ съ лошадыми и вьюками; къ тому же, вопросъ
заключался теперь не въ томъ какъ миновать башню, а какимъ спо-
собомъ ее можно взять и наказать горцевъ, имѣвшихъ дерзкую мысль
загородить намъ дорогу.

Прежде всего окружили башню, переправивъ черезъ гору двѣ роты
армянцевъ путемъ, найденнымъ осетинами. Стрѣлковую пѣль уло-
жили въ камни. Изъ башни, невзирая на дальнее разстояніе, стрѣ-
ляли такъ мѣтко, что солдаты не смѣли показывать ни головы, ни плеча
своей шинели, безъ страха тотчасъ быть пронизаннымъ пулей. Потомъ
сдѣлали попытку разбить двери артилеріей, но скоро пришли къ
убѣжденію, что противъ нихъ наши трехфунтовые гранаты совер-
шенно безсильны. Остался послѣдній и самый вѣрный способъ: взо-
рвать на воздухъ, но и тутъ встрѣтилось сильное затрудненіе. Скала,
на которой стояла башня, не позволяла ни провести минной галереи,
ни заложить колодца, чтобы не потерять людей безъ проку; представ-
лялось одно средство: провести блиндированный ходъ къ основанію
башни, пробить стѣну и заложить мину въ погребѣ. Лѣсъ, потреб-
ный для крытаго хода, отыскали въ аулѣ, на веревкахъ перетаскали
черезъ гору и принялись за работу. На третью сутки, пять пудовъ
пороху, заколоченнаго въ крѣпкій, желѣзомъ окованный ящикъ, ле-
жали въ погребѣ, несмотря на всѣ усилія непріятеля остановить
работу. Онъ пробилъ даже сводъ погреба и стрѣлялъ въ саперовъ, ра-
ботающихъ въ немъ надъ закладкою мины. Нѣсколько разъ предлагали
осажденнымъ сдаться, но каждый разъ они отвергали наше предложе-
ніе. Когда все было приготовлено къ взрыву, добрый, человѣколюби-
вый баронъ Розенъ еще разъ послалъ сказать галгавцамъ, чтобы

пожалеяли себя, и, въ случаѣ сдѣли, общали нѣтъ жизни и даже разбиты. Они согласились, наконецъ, выйти изъ башни, испросивъ два часа сроку на очистку двора отъ камней, которыми были завалены выходы. Въ назначенное время весь штабъ стѣхался къ башнѣ; одна рета стала въ ружье для приема пѣшннхъ; двери распахнулись: сперва выметѣли съ помощьюны ружей, потомъ спустились по веревкѣ два оборванные, грязные галгаевца, которые, скрестивъ руки на груди и глядя на насъ изъ-подъ бля, ждали своей участи.

— Гдѣ же остальные, отчего они не выходятъ? спросили у нихъ черезъ переводчика.

— Намъ только и было отвѣчали: «сдѣлился» (*).

Послѣ семнадцати дней галгаевскаго похода, отрядъ нашъ возвратился во Владикавказъ, гдѣ, тѣмъ временемъ, собрались уже всѣ войска, назначенныя для чеченской экспедиціи, долженствовавшей составить второй періодъ военныхъ дѣйствій 1832 года.

Въ это время, на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, самыя злыя противники наши были чеченцы. Враждебныя столкновенія съ ними, какъ извѣстно, начались со времени перваго поселенія казаковъ на берегу Тереда, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія. Съ тѣхъ поръ, вражда чеченцевъ къ русскимъ возрастала съ каждымъ годомъ, принимая все болѣе и болѣе характеръ непримиримой, истребительной войны. Когда между лезгинами распространилось ученіе, изъ котораго возникъ мюридизмъ, и дагестанскія нагорныя общества призывали надъ собою духовную власть Кази-мудлы, тогда и чеченцы не замедлили присоединиться къ имаму. Въ 1831 году они участвовали съ нимъ въ разграбленіи Кизляра и во всѣхъ его вторженіяхъ въ наши предѣлы, и до того усманили свои воровскіе набѣги на линію, что, на лѣвую сторону Тереза, ни многлюдныя станицы, ни далекая, пустая стена, не были безопасны отъ разбоя. По ночамъ, бывало, на станичныхъ улицахъ убивали казаковъ, уводили со двора лошадей и скотину, и не разъ случалось, что партіи чеченцевъ степью проходили къ устью Волги. Два года мы оставались въ оборонительномъ положеніи, ярьдкѣ отыскивая непріятеля въ его собственныхъ предѣлахъ для отплаты за слишкомъ уже дерзкое нарушеніе безопасности на линіи. Не всѣ, однако, наши карательныя экспедиціи были успѣшны въ теченіе этого періода, и только съ назначеніемъ генерала Вельями-

(*) Подобныхъ башенъ было много въ кавказскихъ горахъ. Преданіе говорить, что въ древнія времена ихъ воздвигали грузинскіе цари, съ цѣлью поддержанія своихъ мисіонеровъ, распространявшихъ христіанство въ горахъ. Башни эти впоследствии много дѣлали хлопотъ нашимъ войскамъ во время экспедицій противъ горцевъ.

нова начальникоу кавказской линіи, образъ жизни: дѣловій при-
малъ здѣсь болѣе рѣшительный и систематическій характеръ.

По словамъ г. Т., назначеніе этого послѣдняго начальникоу
кавказской линіи «сповлекло на себя разительную перемену въ си-
стемѣ дѣйствій и новею бы вполнѣтвомъ въ постепенному умиро-
творенію края, ежели бы въ Петербургѣ менѣе осадривали его мы-
сли и жизнь его не прекратилась такъ скоро».

Генерала Вильяминова и до снхъ поръ помнятъ на Кавказѣ; имя
его произносятъ съ уваженіемъ и симпатіей; но, какъ часто бываесть,
едва-ли многіе изъ его почитателей знаютъ, въ чьей именно заклю-
чались заслуги, таланты и популярность этой, въ высокой степени
даровитой и образованной, личности.

Вотъ почему мы считаемъ полезнымъ сгруппировать здѣсь во-
тѣ характеристическія черты этого замѣчательнаго дѣятеля, которыя
мы находимъ въ «Воспоминаніяхъ» г. Т., какъ видно, успѣвшаго
близко узнать Вильяминова и имѣвшаго случай видѣть его при
весьма разнообразныхъ обстоятельствахъ.

«Алексѣй Александровичъ Вильяминовъ, другъ, ослуживецъ и
начальникъ штаба А. П. Ермолова, бесспорно принадлежалъ къ чи-
слу нашихъ самыхъ замѣчательныхъ генераловъ. Умомъ, многосто-
роннимъ образованіемъ и непоколебимомъ твердостью характера, онъ
сталъ выше всѣхъ личностей, управлявшихъ въ то время судьбами
Кавказа. Никогда онъ не кривилъ душой, никому не льстилъ, правду
высказывалъ безъ обиняговъ, дѣйствовалъ не иначе, какъ по твердому
убѣжденію и съ полнымъ самоубвеніемъ, не жалѣя себя и другихъ,
имѣя въ виду лишь прямую государственную пользу, которую, при
своемъ обширномъ умѣ, понималъ вѣрно и отчетливо. Никогда вде-
вета не дерзала прикоснуться къ его чистой, ничѣмъ неопороченной
репутациі. Строгаго, съ виду холоднаго, мелорѣчиваго Вильяминова
можно было не любить, но въ уваженіи не смѣлъ ему отказать ни
одному человѣку, какъ бы высоко онъ ни былъ поставленъ судьбой.
Я не встрѣчалъ—говоритъ г. Т.—другаго начальника, пользовавша-
гося такимъ сильнымъ нравственнымъ значеніемъ въ глазахъ своихъ
подчиненныхъ. Слово Вильяминова было свято, каждое распоряженіе
его безошибочно; даже въ кругу самонадѣянннй и болтливой военной
молодежи, призжавшей къ намъ изъ Петербурга за отличіемъ, при-
знавалось дѣломъ смѣшнымъ и глупымъ разбирать его дѣйствія.
Горцы, знаемые съ нимъ встарь, боялись его гнѣва какъ огня, но
вѣрили слову и безотчетно полагались на его справедливость» (*).

(*) „Рус. Вѣст“. 1869 г. № 3. стр. 127,

Не увлекаясь теоріями, которыми наше государственные люди того времени выработывали относительно покоренія Кавказа, Вельяминовъ совершенно отвергалъ оборонительную систему, а для полнаго покоренія Кавказа считалъ полезнымъ, медленно подвигаясь впередъ, утверждаться не одною силою оружія, но *основательными административными мѣрами*. Во избѣжаніе истощительной для государства траты людей и денегъ, онъ совѣтывалъ болѣе предоставлять дѣйствію времени, сохраняя притомъ для русскаго войска хорошую практическую военную школу.

Вельяминовъ вообще былъ несообщителенъ и не любилъ огласки своихъ замысловъ. На Кавказѣ очень былъ невѣстенъ отвѣтъ, который онъ далъ одному любопытному генералу, спросившему у него однажды на походѣ: куда идутъ войска? «Про это вѣдаеть барабанщикъ, онъ ведетъ; спросите у него ваше превосходительство, а я ничего не знаю». Вельяминовъ, подобно А. П. Ермолову, терять не могъ «высочекъ» въ дѣлѣ, безъ надобности и безъ призыванія бросающихся въ огонь и незаботившихся о сбереженіи войскъ отъ ненужной потери. По этому поведи въ «Воспоминаніяхъ» г. Т. разсказалъ такой случай. Однажды, послѣ горячей перестрѣлки, войска расположились лагеремъ. У разведеннаго костра, на барабанѣ, по обыкновенію, усѣлся Вельяминовъ; вокругъ котораго тотчасъ же собрались офицеры и принялись громко разговаривать о минувшемъ днѣ. Вельяминовъ, по словамъ г. Т., позволялъ молодежи, на походѣ-ли, за столомъ, или у себя въ кабинетѣ, говорить свободно обо всемъ, прислушивался къ разговору и заключалъ по немъ объ умѣ и характерѣ каждаго изъ разсуждающихъ. Когда, бывало, иной слишкомъ разболтается, онъ, безъ строгости, безъ гнѣва, скажетъ только: «Ну, дражайшій, перестань, перестань, чрезъ мѣру заговорился!» Въ этотъ вечеръ находился въ кругу офицеровъ, собранныхъ около Вельяминова и капитанъ, уберегшій юнкера Урусова отъ чеченской пашки. Онъ разсказывалъ съ жаромъ подробности своего подвига. Долго Алексѣй Александровичъ слушалъ, не говоря ни слова; наконецъ, обратился къ разсказчику:

— А, дражайшій, какимъ образомъ ты попалъ въ цѣпь, когда ранили Урусова?

— Я командовалъ застрѣльщиками; Урусовъ служитъ въ моей ротѣ....

— И ты изрубилъ чеченца, напавшаго на раненаго юнкера? гдѣ-же были твои застрѣльщики?

— Цѣль разорвался, много тутъ не случилось; я самъ еле еле подоспѣлъ.

— А! ты командовалъ застрѣльщиками, цѣль не шла въ порядокъ, и ты былъ принужденъ рубить чеченцевъ собственною рукою! Нечего сказать, ты храбрый офицеръ. Отдай, однако, демурному штабъ-офицеру твою собственную шанку и отправляйся подъ арестъ: дѣло начальника наблюдать за солдатами, а не рубиться съ непріателемъ.

На другое утро, рассказываетъ г. Т., командующій войсками приказалъ отдать капитану оружіе и поблагодарить за спасеніе конюера. Такъ онъ понималъ офицерскую обязанность.

Люди, несходившіеся нравомъ съ Вельяминовымъ, не знавъ чѣмъ его попрекнуть, находили поводъ обвинять его въ излишнемъ пристрастіи къ гастрономическимъ наслажденіямъ. Вельяминовъ, по словамъ г. Т., дѣйствительно, охотно занимался столомъ, наравнѣ съ естественною исторіей, архитектурой, гомеопатіей, изъ любви къ наукѣ и искусству, и гораздо болѣе въ пользу другихъ, чѣмъ для самого себя. Страдая расположеніемъ въ грудной водяной болѣзни, отъ которой онъ и скончался въ 1838 году, Вельяминовъ постоянно находился на самой строгой діетѣ; но въ то же время ставилъ себѣ въ удовольствіе вкусно кормить офицеровъ, обѣдавшихъ за его столомъ. На походѣ, до десятка верблюдовъ носили за нимъ камишную кибитку, дукну и съѣстные принасы. По свидѣтельству г. Т., Вельяминовъ, обладавшій ледянымъ хладнокровіемъ, подчинялъ всѣ свои дѣйствія одному разсудку. Поверхностно понимая вещи, многіе потому считали Вельяминова человѣкомъ бездушнымъ, и крѣпко опасались. «Я испыталъ на себѣ самошь, говоритъ г. Т., на сколько его сердце было доступно самому заботливому участію; онъ умѣлъ только владѣть своими чувствами и скрывалъ ихъ въ глубинѣ души, для того, чтобы никакому плутоватому уму не удалось воспользоваться ими во вреду справедливости и общаго порядка». Чтобы вполне понять и оцѣнить характеръ Вельяминова и его взглядъ на обязанности государственнаго человѣка, слѣдуетъ открыть въ ставропольскомъ штабномъ архивѣ и изучить его переписку съ военнымъ министромъ, княземъ Чернышевымъ, касательно военныхъ дѣйствій на берегу Чернаго Моря. Три раза оряду онъ имѣлъ смѣлость самымъ нежелательнымъ образомъ, подтверждая фактами свои заключенія, опровергать пользу проекта, присланнаго къ нему изъ Петербурга, при именномъ повелѣніи, безотговорочно привести его въ исполненіе. Свою послѣднюю записку онъ заключаетъ слѣдующими словами:

«Ежели Государь Императоръ и на этотъ разъ не удостоитъ, на основаніи изложенныхъ мною доказательствъ и фактовъ, осчастливить меня отъѣздомъ сказаннаго проекта, то прошу, какъ милость, назначить на мое мѣсто другаго, болѣе способнаго и свѣдущаго генерала; я готовъ служить подъ его начальствомъ простымъ солдатомъ, но, по долгу присяги и по совѣсти, не могу принять на себя выполнение дѣлъ, которыя, по моему убѣжденію, должны принести только одинъ вредъ для края отданнаго мнѣ въ управленіе. Присягая государю, я обѣщаль не только повиноваться, но и хранить славу и соблюдать интересъ Его Величества и русскаго государства по моему крайнему разумѣнію».

Покойный императоръ Николай Павловичъ оцѣнилъ, въ этомъ случаѣ, твердость Вельяминова, согласился съ его мнѣніемъ, отменилъ свое первое повелѣніе и взыскалъ его милостями, когда онъ, осенью того же года, пріѣхалъ въ Петербургъ.

Таковъ былъ Вельяминовъ, и такъ государь внималъ правдивому слову, когда оно исходило отъ человѣка, преданнаго ему и Россіи свыше всякаго личнаго расчета.

Вельяминовъ жилъ и умеръ со стоическою твердостію, въ полной памяти, ни на мгновеніе не измѣнивъ своему характеру. Чувствуя приближеніе смерти, онъ изъ закубанскаго отряда выѣхалъ въ Ставрополь, привелъ въ порядокъ служебныя и домашнія дѣла и спокойно сталъ ожидать конца. Руководимый своими познаніями въ медицинѣ, онъ слѣдилъ за болѣзнію такъ вѣрно, что предсказалъ время печальнаго исхода, обманувшись только однимъ днемъ, и впоследствии поправилъ даже эту ошибку. Наканунѣ имъ самимъ назначеннаго дня, извѣстный докторъ Мейеръ обѣдалъ у него въ кабинетѣ. Послѣ обѣда, по всегдашнему обыкновенію, Мейеръ хотѣлъ идти, не замѣчая еще у больнаго предсмертной перемены. Вельяминовъ его остановилъ.

— Не уходи, Мейеръ, иначе меня болѣе не увидишь. Я вѣдь ошибся: сегодня умру, а не завтра.

Мейеръ сталъ его обнадеживать.

— Не теряй словъ по пустому. Я лучше тебя знаю. Посиди еще. Теперь я засну; одолеваетъ дремота, но не бойся; это еще не конецъ; я проснусь предъ тѣмъ.

Мейеръ остался и внимательно слѣдилъ за больнымъ; пока онъ дремалъ, лицо стало измѣняться; дыханіе спирало въ груди, но сердце билось. Вдругъ онъ раскрылъ глаза.

— Правъ я былъ, когда сказаль, что проснусь, а теперь всему конецъ. Прощай!

Сознаніе высокихъ достоинствъ Вельяминова, какъ весьма опытнаго генерала въ кавказской войнѣ, было до того велико, что тог-

главный начальник или Вяземъ, баронъ Россъ; хотя и присутствовали также въ Чеченской экспедиціи, но, для упрощенія дѣла, счелъ за лучшее передать Вельяминову въ непосредственное распоряженіе войска, участвовавшія въ чеченской экспедиціи 1832 года, описанію которой въ «Воспоминаніяхъ» г. Т. отведено значительное мѣсто.

Не останавливаясь на деталяхъ подробностей этой, въ многихъ отношеніяхъ, замѣчательной экспедиціи, скажемъ о ней лишь въразцѣ, чтобы познакомить читателей съ мастерскими уміями автора «Воспоминаній» обрисовывать ходъ боя въ бывшей Чечнѣ и то фантастическое укрѣпленіе, съ которымъ драгуны чеченцы въ своихъ лѣсахъ и аулахъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, вся чеченская земля была покрыта вѣковыми лѣсами, прорѣзанными множествомъ рѣкъ и потоковъ. Въ то время нашими войсками не были еще сдѣланы просѣки въ лѣсахъ; разчищенная же, еще при Ермоловѣ, единственная просѣка, проходившая чрезъ знаменитый Гойтинскій лѣсъ, успѣла покрыться непроходимомъ густомъ порослемъ, такъ что имъ были осуждены вести въ Чечнѣ самую трудную лѣсную войну. Какъ противники, чеченцы, по словамъ г. Т., заслуживали полное уваженіе, и никакому войску не было позволено пренебрегать ими посреди этихъ лѣсовъ и горъ.

Хорошіе стрѣлки, злобно-храбрые, смѣтливые въ военномъ дѣлѣ, подобно другимъ кавказскимъ горцамъ, они ловко умѣли пользоваться, для своей обороны, мѣстными выгодами, поджигать каждую ошибку нашу и, съ неизменною скоростью, давать ей гибельный для насъ оборотъ.

Составленный Вельяминовымъ планъ чеченскаго похода былъ очень простъ.

Оттуда не сомнѣвался въ удачѣ осторожно направленной экспедиціи, но и не ожидая отъ нея другаго результата, кромѣ временнаго усмиренія чеченцевъ, онъ предполагалъ прейти по чеченской плоскости, разоряя селенія, уничтожая матву, отбивая стада и атакуя неприятеля вездѣ, гдѣ бы онъ имѣлъ дерзость собраться въ большихъ силахъ.

Таинств. сборнымъ пунктомъ, въ описываемую нами экспедицію, чеченцы, между прочимъ, избрали Герменчуть, самый большой чеченскій аулъ, имѣвшій три мечети, изъ которыхъ лучшая была построена на деньги пожалованныхъ Ермоловымъ. Дознавъ на опытъ, какъ трудно было вѣдаться съ чеченцами живущими разсыянно по лѣсамъ, Алексѣй Петровичъ принесть эту жертву, надѣясь около прочно и красиво построим-

ной мечте структурировать бодее значительное число жителей, и не ошибаясь в своемъ расчетѣ: герменчугское население увеличивалось съ каждымъ годомъ, и долгое время его жители, дорожа своимъ осѣдлостію, не принимала прямого участія въ грабежахъ и разбояхъ своихъ одноплемениковъ. Въ 1831 году они были увлечены въ общее восстаніе, и Вельяминовъ счелъ полезнымъ показать на нихъ примѣръ всему краю. Въ его правлахъ было, во всѣхъ выстѣпкахъ, за равную вину начинать съ большихъ, а не съ малыхъ. Чувя приближеніе злой грозы, герменчугцы долго колебались, пресить ли концанды, или защищать селеніе. Кави-Мулла убѣждалъ ихъ неспытать оцѣсти оружія, укрѣпить селеніе и ждать въ ночь прихода русскихъ. Три тысячи чеченцевъ встѣли въ Герменчугъ; имамъ лично привалъ къ нимъ на помощь восемьсотъ конныхъ деэгишъ и, кромѣ того, каждый день подходили къ аулу поборники очищенной вѣры изъ самыхъ отдаленныхъ горъ.

Вотъ какъ г. Т. рассказываетъ ввѣтіе нашими вождями этого аула.

«Когда весь нашъ отрядъ станулся и расположился въ виду Герменчуга, Вельяминовъ приказалъ войскамъ варить кашу, а своему повару готовить обѣдъ.

«Подъ Герменчугемъ Вельяминовъ подвергъ сильной пытѣ терпѣніе Вольховскаго (*), не во всѣхъ случаяхъ умѣлашаго владѣть своею нервно-раздражительною натурой; даже болѣе флегматическій и ножилой баронъ Григорій Владимировичъ не на шутку сталъ тревожиться, отчего Вельяминовъ медлитъ атаковать аулъ. Между тѣмъ, Вельяминовъ былъ правъ: его медленность имѣла основаніемъ самый вѣрный расчетъ. Войска, сваривъ похлебку, да еще съ удвоенною мясною порціей, спокойно наполняли себѣ желудокъ. На правомъ флангѣ батарей въ двадцать два орудія, поставленной въ разстояніи хорошаго ядернаго выстрѣла отъ неприятельскихъ окоповъ, для Вельяминова напрыли столъ, какъ бы дома; вокругъ него разставили барабаны и мы сѣли обѣдать. Въ нѣкоторомъ разстояніи позади насъ, менѣе затѣйливо комѣстившіеся на коврахъ, закусывалъ корпусный командиръ со своими офицерами.

«Неприятельскій брусваръ и всѣ плоскія крыши герменчугскихъ домовъ были буквально унижены чеченцами, которые, съ ружьями

(*) Начальникъ штаба отдаленнаго кавказскаго корпуса, О немъ г. Т., въ своихъ воспоминаніяхъ, отзывается съ большою похвалою и сочувствіемъ, какъ о человѣкѣ въ высшей степени симпатичномъ, скромномъ и до самоотверженія преданномъ своему долгу, для котораго онъ одинаково не жалѣлъ себя ни въ канцеляріи, ни въ походѣ, ни въ бою.

высоко, сѣядали стѣны и, полагая, точно не замечали чего нибудь. Нѣсколько вѣтвистыхъ трубъ были направлены къ Германцу на нашъ обшданный столъ.

«Въ часъ полудни корпусный командиръ прислалъ своего адъютанта спросить: не пора ли атаковать.

— Нѣльзя, сонные слишкомъ жарко вѣдутъ; къ тому же и люди не кончили ѣды, отвѣтилъ Вельяминовъ.

«Черезъ полчаса новый посланецъ къ Вельяминову.

— Не вышло еще порціи, которую приказано раздать, бѣзъ его отвѣта.

«По прѣшествіи нѣкотораго времени, Волыковский прислалъ за мной. Неприятно стало мнѣ спрашивать, откуда и гдѣшантъ, и потомъ поручилъ передать Вельяминову, что это прѣливо видно корпуснаго командира.

«Когда я вернулся и доложилъ Вельяминову слова Волыковского, онъ коморнулся, подумалъ съ минуту и сказалъ:

— Ступай, дражайшій, назадъ и скажи посланному тебя, что, по моему мнѣнію, надо еще подождать; впрочемъ, какъ угодно; только въ таковыя случаи не беру на себя отвѣта. Надеюсь, прибавилъ онъ, улыбувшись, время докончить обѣду и убрать столъ.

«Передавъ отвѣтъ, я вернулся безъ послѣдняго прибавленія, я возвратился на свое мѣсто. Когда, действительно, убрали столъ, и я столъ назадъ его, онъ повернулся ко мнѣ:

— Хочу, дражайшій, чтобы ты помнилъ отчего я медлять; можешь потомъ объяснить и другимъ: взглянь съ лавкамъ направо: чеченцы ждутъ атаки; они томятся; каждой частіи обшданія отнимаютъ у нихъ силы и духъ, а наши солдаты дѣль временемъ отдыхаютъ, и тогда ихъ расстрѣть. Однако пора начинать. Съ этими словами Вельяминовъ съѣлъ на лошади и приказалъ артиллеріи открыть огонь. Въ то же время, Зассъ, съ казаками и дружинами, былъ посланъ направо къ мѣсту, въ которомъ находилась неприятельская конница, для прикрытія съ этой стороны нашихъ нгурумшюныхъ коновъ; а два мусульманскіе полка направлены влево, къ рѣкѣ.

«Съ послѣднимъ пушечнымъ выстрѣломъ барабаны забили атаку, и два бутырскіе баталіона справа, два егерскіе слева отъ баталіон бѣглымъ шагомъ направилась къ неприятельскому укрѣпленію. Чеченцы, выдержавшіе пушечный огонь лежа за брустверами, вскочили, дали залпъ, и не успѣли снова зарядить винтовки, какъ наши баталіоны, перескочивъ черезъ широкий ровъ, оступились на край и выткнули ноги и ихъ чрезъ селеніе. Бутырды ворвались первыя въ

деревню. Атака была поведена на контръ укрѣпленія. Лѣвый флангъ его, приниженный къ лѣсу, оставался еще во власти чеченцевъ, съ праваго они бѣжали не обороняясь. Тѣмъ временемъ наши казаки, погнавъ непріятельскую колонну, попали подъ сильный ружейный огонь изъ опушки лѣса. Вельяминовъ, *заботившись, по армало-ской методѣ, всею больше о сбереженіи войскъ отъ неминуемой потери*, послалъ меня немедленно вернуть ихъ къ пѣхотѣ, оставшейся при батарее. Я пустилъ свою конницу во весь опоръ. Между тѣмъ Засѣ, зная, какъ Вельяминовъ понимаетъ вещи, самъ, на волныхъ рыскахъ, сталъ удаляться отъ губительной лѣсной опушки. Путь его пролегалъ нило лѣваго фланга герменчуговаго окопа. Встрѣченный съ него мѣткимъ огнемъ, онъ не задумываясь поспѣвалъ къ нему со своею конницей. Въ это мгновеніе я попалъ въ средину казаковъ, былъ увлеченъ вихремъ атаки, и, не имѣя времени ономиниться, со всею толпою очутился предъ заваломъ. Осажденные чеченцы въ первое мгновеніе отшатнулись; потомъ ономинясь, остановились въ двадцати шагахъ и выжидали насъ, выставивъ заряженными винтовки. Они берегли заряды на ту минуту, когда мы вскочили на круту; но казали, люди, не только храбрые, но и смѣленные въ высшей степени, понимали, что опрометчивость ихъ дорого обойдется, и, не помня мѣста, также цѣлили въ непріятеля. Мгновеніе длилась эта выдержка; чеченцы не вытерпѣли, дали залпъ, и дымъ еще не пронесся, какъ казаки и грузины, съ обнаженными шапками и саблями, уже свѣдѣли у нихъ на плечахъ. Такимъ образомъ наша конница вала завалъ, обороненный пѣхотой.

«Когда я вернулся съ доносомъ—продолжаетъ г. Т.—мнѣ не даки даже вдохнуть, и отиравши съ новымъ порученіемъ узнать, что проебодить въ самомъ аулѣ, гдѣ пальба не прекращалась.

«Когда я вѣкалъ въ улицы Герменчуга, то оказалось, что уже аулъ былъ взятъ нашими войсками, и только въ трехъ домахъ, отверган пощаду, чеченцы сильно отстрѣливались и успѣли уже убить и переранить много солдатъ. Точка же оскали были отблены трейною цѣпью застрѣльщиновъ, лежавшихъ на землѣ, за плетнями и за деревьями. Но, винуто, однакоже, не смѣлъ показаться на виду у непріятеля: вѣрнымъ глазомъ направленная пуля нагазывала неосторожнаго.

«Наконецъ приказано было замечъ сабли; но и это нелегко было исполнить: футовой слой глины обереталъ отъ огня внутреннюю плетневую стѣну, испепренную отверстіями, изъ которыхъ выглядывали дула мѣткихъ винтовокъ. Нашлись, однако, два сапера, которые рѣ-

шлись ввязаться за дѣло: подвигая предъ собой дубовую дверь вмѣсто щита и неся пучки соломы въ квадратѣ, они подошли къ углу фаса крайняго дома; съ немаловажнымъ трудомъ обидя глыбу у фундамента и подожгли плетень, начавшій медленно тлѣть подъ своею негараемой оболочкой. Чеченцы продолжали стрѣлять и съ этого боку, но жаръ не отогналъ ихъ отъ горячей стѣны. Къ самаранъ-зажигателямъ присоединились но охотѣ еще два артиллериста. Они влѣзли по вѣшанной стѣнѣ на плоскую крышу; саперы подавали имъ гранаты, которые они, сообщивъ трубки огонь, чрезъ широкую дымовую трубу стали бросать во внутренность саван, тѣсно набитой оборонявшимися чеченцами. Слышно было, какъ лопнули первыя двѣ гранаты; послѣдующія перестало рвать. Позже мы узнали, что чеченцы, садясь на нихъ, тушили огонь въ трубкахъ прежде, чѣмъ онъ сообщался пороку.

«Мало-по-малу огонь охватилъ и прочія двѣ саван; непріятелю оставалось только сдаться, или горѣть. Вельховскій пожелалъ храбрыхъ людей и приказалъ находившемуся при насъ переводчику, старому мздоѣдскому казаку Атарщикову, предложить имъ положить оружіе, обѣщая, въ такомъ случаѣ, отъ имени главнаго русскаго начальника, не только жизнь, но и право разбѣга на русскіяхъ вѣдѣныхъ. Огонь замолкъ, когда Атарщиковъ выступилъ впередъ и почеченски крикнулъ, что хочетъ говорить. Сидѣвщія въ домахъ выслушали предложеніе, посовѣтывались нѣсколько минутъ, потомъ вышелъ полуобнаженный, отъ дыму почернѣвшій чеченецъ, проговорилъ короткую рѣчь, и выстрѣлы снова засверкали изъ всѣхъ бойницъ. Отвѣтъ заключался въ слѣдующихъ словахъ: *«Пощады не хотимъ; одной милости просимъ у русскихъ: пусть дадутъ знать нашимъ семействамъ, что мы умерли какъ жили, не покоряясь чужой власти.»*

«Тогда было приказано зажигать дома со всѣхъ концовъ. Солнце закатилось, и одно красное пламя пожара освѣдило эту картину гибели и разоренія. Чеченцы, твердо рѣшившіеся умереть, зашли предсмертную пѣнь, сперва громко, потомъ тише и тише, по мѣрѣ того, какъ число помѣщихъ убывало отъ огня и дыма.

«Гибнуть въ огнѣ, однако, страшно мучительно, и не каждый въ силахъ перенести эту пытку.

«Неожиданно растворились двери догаравшаго дома. На порогѣ явилась человѣческая фигура—огонь блеснулъ, пуля свистнула мимо нашихъ ушей и, свергая лавземъ шапки, чеченецъ бросился прямо къ намъ. Широкоплечій Атарщиковъ, одѣтый въ панцирь, подпустилъ

бѣшенно чеченецъ на десять шаговъ, тихо навелъ ружье и всадилъ ему пулю прямо въ обнаженную грудь.

«Чеченецъ сдѣлалъ огромный прыжокъ, повалился, поднялся опять на ноги, вытянулся въ струну, и, медленно склоняясь, упалъ мертвый на родную землю.

«Черезъ нѣть минутъ повторилась та же сцена: выскочилъ еще чеченецъ, выстрѣлилъ изъ ружья и, махая шашкой, прорвался черезъ двѣ цѣпи застрѣльщиковъ; на третьей цѣпи его заковали. Горючія сабли стали разваливаться, осыная жемраки истоптанный садъ; изъ-подъ дымящихся развалинъ выползли шесть раненныхъ, чудомъ уцѣлѣвшихъ, лезгинъ; солдаты подняли ихъ и отвезли на перевязку; ни одинъ чеченецъ не дался живымъ; семьдесятъ—два челоуѣка кончатъ жизнь въ огнѣ.

Разыгрался послѣдній актъ кровавой драмы; ночь покрыла сцену».

На этомъ мы сванчиваемъ свои извлеченія изъ «Воспоминаній» г. Т. Продолженіе ихъ было бы такъ желательно и не бесполезно, въ виду полнаго и всесторонняго освѣщенія такого грандіознаго событія нашей исторіи, какъ постепенное водвореніе русской власти на Кавказѣ.

Русскій Архивъ, издаваемый при Чертковской Библиотекѣ библиотекаремъ Петромъ Бартоновымъ. Москва 1868—1869.

Письма князя А. Б. Куркина къ императрицѣ Маріи Теодоровнѣ въ 1807 году.

Та часть этихъ писемъ, въ которой говорится о военныхъ дѣйствіяхъ 1807 года, заслуживаетъ вниманія, какъ матеріалъ для исторіи второй войны императора Александра съ Наполеономъ. Князь Куркинъ, шефъ-де-братенъ орденовъ, назначенъ былъ въ 1807 году чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ къ вѣнскому двору, съ которыми, послѣ аустралицкаго разгрома, наши сношенія оладѣли, и онъ, пута, изъ Петербурга въ Вѣну, долженъ былъ видѣться съ государемъ, находившимся на театрѣ военныхъ дѣйствій. Съ дороги онъ почти ежедневно писалъ письма (на французскомъ языкѣ) къ императрицѣ Маріи Теодоровнѣ, и въ нихъ, кромѣ свѣдѣній о своемъ путешествіи, сообщалъ извѣстія о дѣлахъ политическихъ и военныхъ. На эти-то послѣднія извѣстія мы и обратимъ вниманіе, какъ на голосъ современника о тогдашней трудной эпохѣ, имѣвшей въ результатъ заключеніе тильзитскаго мира.

Въ третьемъ письмѣ изъ Тильзита отъ 22-го мая (3-го іюня), князь Буракинъ говоритъ, между прочимъ, что императоръ Александръ (какъ извѣстно, жившій въ Тильзитѣ во время военныхъ дѣйствій) разочаровался въ военныхъ способностяхъ Бенигсена и не принималъ его къ себѣ. Лично князю Буракину государь сказалъ, что подчиненные не уважали главнокомандующаго, а солдаты не имѣли къ нему привязанности и довѣрія, какъ къ лицу, который не былъ въ состояніи говорить съ ними по-русски. Императоръ жаловался также на упадокъ въ войскахъ дисциплины, вслѣдствіе того, что Бенигсенъ преднамѣренно ослаблялъ ее, рассчитывая заслужить тѣмъ любовь солдатъ, и на нѣкоя распоряженія главнокомандующаго по продовольствію войскъ. «Послѣ сраженія подъ Прейсишъ-Эйлау—писалъ князь Буракинъ, конечно, со словъ государя—наша армія пришла въ разстройство отъ недостатка продовольственныхъ запасовъ, и это обстоятельство, вѣроятно, сильно стѣснитъ ее въ будущихъ дѣйствіяхъ. Диспозиціи Бенигсена къ сраженію были ошибочны, и оно выиграно только благодаря стойкости и мужеству нашихъ превосходныхъ войскъ.... Духъ въ войскахъ замученій: они одушевлены сознаніемъ своего превосходства надъ непріателемъ, которое во всякомъ сраженіи сумятъ имъ побѣду. Да благословитъ ихъ Богъ и да поможетъ имъ! Теперь Бенигсенъ предоставленъ собственнымъ своимъ способностямъ; ничто не мѣшаетъ ему дѣйствовать по своему усмотрѣнію, лишь бы только онъ дѣйствовалъ и разбивалъ! Для заключенія почетнаго мира, намъ необходима еще одна побѣда».

А мира, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ князя Буракина, тогда желали всѣ находившіеся въ главной императорской квартирѣ и въ самой арміи; но опытные дипломаты, Новосильцевъ и Чарторыйскій, опасались, что Наполеонъ предъявитъ непомерныя требованія послѣ того, какъ взятіе Данцига позволило ему усилить главную армію тремя дивизіями, осаждавшими эту крѣпость. Новосильцевъ и Чарторыйскій полагаютъ, что удобная минута къ началію мирныхъ переговоровъ была упущена, что слѣдовало бы открыть ихъ тотчасъ послѣ сраженія при Эйлау, когда Наполеонъ еще не получалъ всѣхъ своихъ подкрѣпленій, когда онъ нуждался въ продовольствіи и былъ ошеломленъ необыкновеннымъ и неожиданнымъ сопротивленіемъ, оказаннымъ нашими войсками. Тѣ же дипломаты высказывали мнѣнію, что война не можетъ кончиться счастливо и что всѣ жертвы, принесенныя нами для спасенія Пруссіи, намъ самимъ не принесутъ ни малѣйшей пользы.

Въ шестомъ письмѣ изъ Тильзита, отъ 1-го (13-го) іюня, князь Т. LXXI. Отд. II.

Буракинъ опять упоминаетъ о преобладающемъ въ главной квартирѣ императора желаніи поскорѣе заключить миръ. То же желаніе господствовало и въ Пруссіи, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ письма: «Пруссія продолжаетъ войну потому, что мы хотимъ этого, и потому еще, что она насъ боится. Пруссы, министры и генералы, дипломаты и военные, всѣ единодушно желаютъ мира, и горько жалуются на то, что продолженіе войны болѣе и болѣе опустошаетъ и разоряетъ, безъ всякой цѣли, владѣнія короля и тѣ немногія области, которыхъ еще не коснулись военныя дѣйствія». Наконецъ, результаты сраженій при Гутштадтѣ и Гейльсбергѣ еще болѣе усилили желаніе мира съ нашей стороны, и князь Буракинъ, передавая мнѣніе опытныхъ военныхъ людей о томъ, что если бы мы одержали даже рѣшительную побѣду, то, по недостатку продовольствія, не могли бы преслѣдовать непріятеля, восклицаетъ: «Какъ же не желать окончанія столь упорной и столь кровопролитной войны! Она можетъ только увеличить всякаго рода затрудненія и жертвы и повести только къ потерямъ и бѣдствіямъ!»

По общимъ отзывамъ тогдашнихъ военныхъ людей, Беннгсенъ, предпринявъ неумѣстное движеніе къ Гутштадту, вызвалъ тѣмъ безполезное и кровопролитное сраженіе при Гейльсбергѣ и, притянувъ къ себѣ наши войска, занимавшія линію между Гейльсбергомъ и Браунсбергомъ, гдѣ Лестокъ образовывалъ наше правое крыло, далъ французамъ возможность проникнуть въ это пространство на другой же день послѣ сраженія и занять позицію между нашей арміей и Беннгсбергомъ. Вообще, современники сильно порицали Беннгсена за напрасное кровопролитіе и за постоянное отступленіе, даже при успѣхѣ надъ противникомъ.

Князь Буракинъ замѣчаетъ, что неожиданное прабытіе въ дѣйствующую армію цесаревича Константина Павловича обрадовало тѣхъ, которые желали, чтобы чрезъ него императоръ узналъ всю правду о тогдашнемъ положеніи военныхъ дѣлъ. Цесаревичъ держалъ сторону желавшихъ мира; въ пользу же продолженія войны былъ одинъ только Будбергъ, управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и его-то мнѣніемъ руководился императоръ Александръ. Неизвѣстно, въ силу какихъ побудительныхъ причинъ и на какихъ основаніяхъ, Будбергъ старался увѣрить великаго князя Константина Павловича, что наша армія еще неразбита, что у насъ есть многочисленныя резервы, что мы можемъ положиться на вѣрность нашихъ польскихъ губерній, что государь можетъ рассчитывать на свой народъ.... Цесаревичу нетрудно было опровергнуть мечтанія дипломата суровыми

фактами: онъ поставилъ Бюдбергу на видъ, что всѣ наши надежды и все наше спасеніе основывалось, въ этотъ критическій моментъ войны, на сохраненіи и на сомнительныхъ успѣхахъ арміи Беннигсена, что всѣ наши резервы ограничивались двумя дивизіями Лобанова и Герцамова, въ числѣ едва 35,000 человекъ, что у насъ не было ни оружія, ни снарядовъ, ни денегъ.... Замѣчательно, что Чарторыйскій, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, опровергалъ заблужденіе Бюдберга относительно вѣрности поляковъ сѣверо-западныхъ губерній: онъ сказалъ прямо, что между тамошними поляками тлѣетъ огонь восстанія, и что они взбунтуются непремѣнно, лишь только Наполеонъ перейдетъ нашу границу.... Кому же и было знать лучше о настроеніи умовъ между поляками сѣверо-западнаго края, какъ не князь Адаму?... По носившимся тогда слухамъ, Наполеонъ хотѣлъ достигнуть Двинны, двинуться по этой рѣкѣ, возстановить Польшу и затѣмъ подать руку туркамъ, возвративъ имъ завоеванныя нами области. Другіе утверждали, будто Наполеонъ общалъ своей арміи остановиться въ Беннигсбергѣ и отсюда продиктовать тяжелыя условія мира.

Сообщая императрицѣ, въ концѣ того же письма, роковую вѣсть объ исходѣ сраженія подъ Фридландомъ, князь Буракинъ передаетъ, со словъ статъ-секретаря Цюмова, возвратившагося изъ дѣйствующей арміи, что всѣ, отъ генерала до солдата, дрались какъ львы, геройски шли на встрѣчу смерти, но теперь, утомленные войною, желаютъ мира.... «Benigsen a presque perdu la tête» («Беннисенъ почти съсѣлъ потерялъ голову»), прибавляетъ Буракинъ.

Восьмое письмо (отъ 8-го (20-го) іюня) посвящено разсказу о подробностяхъ Фридландскаго разгрома и о бѣдственномъ отступленіи остатковъ нашей арміи. Общій голосъ обвинялъ Беннигсена въ проигрышѣ сраженія подъ Фридландомъ. Всѣ единогласно говорили, что онъ погубилъ наши отборныя войска своими распоряженіями, совершенно противными основныя началамъ военнаго искусства: наша армія имѣла позади себя рѣку и городъ, а впереди лѣсъ, маскировавшій батареи непріятеля и его дѣйствительныя силы; нашъ огонь или не достигалъ противника, или причинялъ ему ничтожный вредъ, а когда онъ сталъ ослабѣвать, французы начали громить насъ ядрами, и нѣкоторыя батареи ихъ, какъ тогда говорили, были вооружены даже осадными орудіями.... Мрачными красками изображаетъ князь Буракинъ тогдашнее наше положеніе. О возможности хотя какъ-нибудь поправить бѣду нечего было и думать. Не говоря уже о томъ,

что всё продовольственные магазины наши были потеряны, с нами войска, послѣ столькихъ невгодъ, всею не питали расположенія къ возобновленію военныхъ дѣйствій. Нужно было поминать только объ оборонѣ, да и ея успѣхъ казался сомнительнымъ: не болѣе двухъ вновь-сформированныхъ дивизій (Лобанова и Герцакова) охраняли границы имперіи; резервная армія не существовала; милиція не была еще ни вооружена, ни обучена; новаго рекрутскаго набора не объявляли.... «Никогда положеніе наше не было такъ затруднительно!» восклицаетъ князь Курявинъ. «Намъ остается ожидать спасенія только отъ Бога и отъ той преданности отечеству и государю, которую въ столь высокой степени одушевленъ нашъ добрый народъ.... Обстоятельства, въ которыхъ мы должны заключить теперь миръ, слишкомъ неблагоприятны, чтобы мы могли упорствовать въ томъ, чего хотѣли. Заключая миръ, если только есть еще возможность заключить его приличнымъ образомъ, мы, къ несчастію, должны стараться лишь о томъ, чтобы заключить его на условіяхъ, менѣе тягостныхъ. Вотъ до чего дожили мы!»

Въ девятомъ письмѣ, изъ Шавель (отъ 10-го іюна), кн. Курявинъ сообщаетъ конфиденціальный разговоръ свой съ императоромъ Александромъ, прежде чѣмъ было получено извѣстіе о заключеніи перемирія. Государь перечислялъ всѣ причины, заставлявшія его желать мира: онъ сказалъ, что мы потеряли поразительно-большое число офицеровъ и солдатъ, что почти всѣ наши генералы, и притомъ лучшіе, были ранены или больны; что въ арміи осталось не болѣе пяти, шести генералъ-лейтенантовъ, которые, кромѣ Герцамова, Голицына, Уварова, не имѣли ни опытности, ни военныхъ дарованій, и что, слѣдовательно, не было свѣдущихъ начальниковъ, способныхъ командовать арміей и отдѣльными корпусами. Государь прибавилъ, что одному ему продолжать войну невозможно, и что союзники не поддержали его. Дѣйствительно, Англія, постоянно возбуждавшая насъ противъ ненавистнаго ей Наполеона Бонапарте, ничѣмъ не помогла намъ, когда дѣло дошло до исполненія обещаній: посуливъ выставить отрядъ въ 10—12,000 человекъ, она не опредѣлила даже времени, когда придетъ этотъ корпусъ, а что до денежныхъ субсидій, то вся обѣщанная сумма не превышала 2,200,000 фунтовъ стерлинговъ ежегодно, да и столь ничтожную сумму надлежало раздѣлять между Россіей, Австріей и Пруссіей. Изложивъ всѣ эти обстоятельства, императоръ Александръ высказалъ кн. Курявину надежду, что Франція не захочетъ измѣнить наши границы; а въ замѣнъ возвра-

цѣнникъ Пруссіи владѣній, онъ думалъ предложить равносильныя, именно Молдавію, Валахію и семь Іонійскихъ Острововъ (*).

Во время этого разговора, князь Курякинъ сообщилъ государю, что, въ бытность свою въ Юрбургъ, онъ слышалъ отъ раненыхъ офицеровъ жалобы на мочолученіе ими, какъ и вообще всею арміей, основаннаго на дѣль трести. Изумленный императоръ Александръ возразилъ, что такое злоупотребленіе никогда не должно было бы имѣть мѣста, потому что въ дѣйствующую армію постоянно отправлялись значительныя и вѣснѣ достаточныя суммы, и что это служить новѣйшъ доказательствомъ надобросовѣстности интендантскихъ чиновниковъ и генерала Беннигсена. Государь подписалъ даже, подробностями, свой указъ на личное имѣніе главнокомандующаго. Онъ связалъ прямо, что Беннигсенъ *работалъ на счетъ войсковыхъ суммъ*, докравившись поподличавъ, жидъ Мееровича, и что жена Беннигсена (полька, рожденная Андреевичъ), принимая подарки отъ Мееровича, подстрекала своего мужа къ любезничанію. Государь выразилъ тутъ же свое мнѣніе и о способностяхъ Беннигсена, какъ военачальника вялаго, нерешительнаго, постоянно отсутствующаго съ солдатами, которые, по-пуроросскому обычаю, привыкли идти впередъ, прибавивъ, что сраженія при Пултускѣ и Эйлау были выиграны единственно мужествомъ и неустранимостью русскаго солдата, а не мнимыми дарованіями Беннигсена.

Въ десѣтомъ письмѣ (также двѣ Шавель, отъ 10-го (22-го) іюня) князь Курякинъ съ радостью поздравляетъ императрицу Марію Феодоровну съ заключеннымъ перемиріемъ на такихъ выгодныхъ условіяхъ, каковыхъ только можно было ждать, и какихъ, конечно, никто не ждалъ. «Среди душевныхъ страданій, причиненныхъ нашимъ политическимъ положеніемъ послѣ послѣдняго разгрома нашей арміи, мы отъ мучительнѣйшаго безпокойства переходимъ къ величайшей радости», пишетъ князь Курякинъ. «Богъ бодрствовалъ надъ Россіей, надъ особою и славою императора, вашего сына! Кровь не будетъ болѣе лилася; бѣдствія, тяготѣвшія надъ всею Европою, прекращаются; Россія остается только скорбѣть о гибели доблестныхъ войскъ; но въ мужествѣ она стяжала себѣ новуя славу, и, пріобрѣтая миръ, сохраняетъ все свое могущество и всѣ свои границы»....

Современники имѣли законное право радоваться прекращенію разо-

(*) Молдавія и Валахія были, въ то время, заняты нашими войсками, а вслѣдствіе успешныхъ дѣйствій вѣсакры вице-адмирала Селленина, Іонійскіе Острова прізнали надъ собою верховную власть Россіи.

рительной и кровопролитной войны, предпринятой за интересы Пруссии и обрушившейся всюю своею тяжестью на насъ однихъ. Безъ денегъ, безъ продовольствія, безъ оружія, съ разстроенными въ конецъ войсками, иѣтя передъ собою, на границѣ, побѣдоноснаго непріятеля, которому стоило только сдѣлать шагъ, чтобы вступить въ губерніи, гдѣ поляки готовы были возстать, что могли мы предпринять?... Замѣчательно, однако, что уже въ эту радостную минуту закрадывалось въ душу современниковъ сомнѣніе о прочности и продолжительности заключаемаго съ Наполеономъ мира. «Миръ, который вы готовы заключить, *будетъ ли такъ продолжителенъ и такъ проченъ, какъ это все, повидимому, предвѣщаетъ?*» спрашиваетъ князь Буракинъ. Страшась возможности новой войны за чужія выгоды, истинные патриоты не переставали громко выражать мнѣніе, что пора было подумать намъ о себѣ, поразмыслить о пагубныхъ послѣдствіяхъ нашихъ политическихъ ошибокъ, перестать, очертя голову, жертвовать собою исключительно для пользы нашихъ союзниковъ, которые, вмѣсто того чтобы помогать намъ, помышляли только о своихъ дѣлахъ и всегда готовы были предоставить насъ собственной участи.

Въ слѣдующихъ письмахъ изъ Тильзита, князь Буракинъ говоритъ о свиданіи императора Александра съ Наполеономъ, вообще о тильзитскихъ дѣлахъ и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ заключеніе мирнаго договора 25-го іюня 1807 года, въ подписаніи котораго онъ участвовалъ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ (въ двѣнадцатомъ) Буракинъ упоминаетъ и о томъ, что Наполеонъ предлагалъ императору Александру присоединить къ Россіи всѣ польскія провинціи Пруссии и принять титулъ короля польскаго. «Императоръ имѣлъ великодушіе не пожелать этого».

II.

Генералъ графъ Леоній Леонтьевичъ Беннигсенъ.

«Въ первый разъ я повстрѣчалъ генерала Беннигсена въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ день коронаціи императора Александра и съ невольнымъ почтеніемъ остановился передъ этою величавою фигурою. Онъ былъ въ общемъ кавалерійскомъ мундирѣ, съ Александровскою лентою чрезъ плечо и съ Георгіемъ на шеѣ. Высокій, сухощавый, съ длиннымъ лицомъ и орлинымъ носомъ, съ важною осанкою, прямымъ станомъ и холодною фizioноміей, онъ поразилъ меня своею наружностію между круглыми, скуластыми и курносими лицами русскихъ генераловъ и сановниковъ».

Такъ говоритъ авторъ очерка жизни Беннигсена, подписавшійся

начальной буквою В.; но изъ 24-го примѣчанія къ этому очерку видно, что статья принадлежитъ покойному Александру Федоровичу Воейкову, бывшему редактору газеты «Русскій Ивалидъ». Слѣдствія собственно о служебномъ поприщѣ Беннгсена заимствованы имъ изъ послужнаго списка этого генерала, изъ высочайшихъ приказовъ, изъ современныхъ периодическихъ изданій и изъ собственныхъ дописокъ Беннгсена; другія же подробности о немъ, и притомъ самыя интересныя, сообщены современниками и сослуживцами Беннгсена, генералами Кнорингомъ, Балацовымъ, Коновницкимъ, Клинымъ, Скобелевымъ. Вѣроятно, кое-что слышалъ авторъ и отъ Барлаа-де-Толя, Остермана-Толстаго, Сажеда, съ которыми, какъ онъ самъ говоритъ, его познакомилъ Кнорингъ.

Это едва-ли не самая полная и самая любопытная характеристика одного изъ вѣннѣйшихъ военныхъ дѣятелей исхода прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ мы могли судить о Беннгсенѣ только по *сильнѣйшимъ* проявленіямъ его дѣятельности, какъ военачальника. Въ очеркѣ Воейкова, Беннгсенъ живеть и дѣйствуетъ, какъ *человѣкъ*.

Беннгсенъ, происходившій изъ ганноверскихъ дворянъ, никогда не присягалъ на русское подданство. Въ службу нашу онъ вступилъ въ 1773 году, 31-го декабря, съ чиномъ премьеръ-маюра (въ ганноверской службѣ былъ подполковникомъ) и опредѣленъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, сверхъ комплекта; отсюда, въ 1775 году, переведенъ въ Нарвскій пѣхотный полкъ; потомъ, по производствѣ въ подполковника въ 1778 году, поступилъ въ Кіевскій легкоконный полкъ. Уже на второмъ году вступленія своего въ русскую службу, Беннгсенъ участвовалъ въ первой турецкой войнѣ, а во вторую, такъ называемую, петербургскую кампанію противъ турокъ отличился на очакевскомъ приступѣ, сражался подъ Каушанами, былъ при осадѣ и взятіи Бендери; но особенное вниманіе обратилъ онъ на себя, въ чинѣ бригадира, въ войнѣ съ поляками: здѣсь Беннгсенъ лично сталъ на вѣстанѣ Суворову и получилъ, въ 1794 году, генералъ-майорскій чинъ. Спустя четыре года, императоръ Павелъ произвелъ Беннгсена въ генералъ-лейтенанты, но въ томъ же 1798 году уволилъ его отъ службы.

Война 1807 года неожиданно открыла Беннгсену широкое поприще дѣятельности, сначала въ качествѣ корпуснаго командира, а потомъ и главнокомандующаго, когда графъ Каменскій оставилъ армію. Генералъ Кнорингъ, бывший начальникомъ штаба Беннгсена, рассказывалъ и доказывалъ Воейкову, что приказаніе Каменскаго отступить

арміи къ нашимъ границамъ не было слѣдствіемъ сумасшествія или ослабленія умственныхъ способностей престарѣлаго фельдмаршала, какъ хотѣлъ увѣрить Беннигсенъ, желяя удалить его изъ арміи; Каменскій, напротивъ, видѣлъ въ отступленіи нашей арміи (въ которой, какъ извѣстно, онъ не нашелъ ни боевѣхъ, ни продовольственныхъ запасовъ, ни госпиталей) единственное средство «растянуть французскую операционную линію, отдалить ее отъ ея способствъ, и затѣмъ, подкрѣпивъ себя на границахъ тремя дивизіями Абрамсина, «утомить, оголодать, заморозить непріятельскую армію и истребить ее навѣрное». — «Во всякомъ случаѣ — прибавилъ Вюрингъ — война при Каменскомъ не могла кончиться хуже того, какъ она кончилась при Беннигсенѣ — тильзитскимъ миромъ». Показаніе Вюринга, враждебно расположеннаго къ Беннигсену, могло бы внушать сомнѣніе въ его достовѣрности; но Воейковъ ссылается еще на джурнала генерала Беннигсеновой арміи, графа Петра Александровича Толстого, который также не сомнѣвался въ томъ, что Беннигсенъ умышленно раздражилъ вспыльчиваго старика Каменскаго.

Какъ бы то ни было, но достигнувъ цѣли своихъ честолюбивыхъ замысловъ, Беннигсенъ воспользовался ближайшимъ расположеніемъ своего корпуса къ непріятелю и 14-го (26-го) декабря далъ жаркій отпоръ вернусу Ланна и дивизіи Гюдена подъ Путускомъ; но худо то, что это дѣло Беннигсенъ выставилъ, въ своемъ пышномъ донесеніи, за *жемральное сраженіе* съ цѣлою французскою арміею, предводимую самимъ Наполеономъ.... Ему повѣрили на слово, пожаловали андреевскую ленту, сто тысячъ рублей и назначили главнокомандующимъ....

«Надобно, однакоже думать», замѣчаетъ, по этому поводу, авторъ статьи, «что Беннигсенъ часто расхвастался, наложивъ на себя столь тяжелое бремя. Оно было ему не подъ силу. Уже двѣнадцать лѣтъ прошло, какъ этотъ полководецъ умеръ (*); мы пишемъ для потомства. Исторія уже начала разоблачать его. При геройской храбрости, при обширныхъ тактическихъ и стратегическихъ познаніяхъ, при наблюдательномъ умѣ, при опытности, пріобрѣтенной имъ въ походахъ съ Суворовымъ, при непоколебимомъ хладнокровіи, Беннигсенъ не имѣлъ именно тѣхъ качествъ души, которыя необходимы предводителю русской арміи, и въ особенности такому, которому предстояла борьба съ великаномъ Наполеономъ. Составляя умные планы, онъ

(*) Беннигсенъ умеръ 2-го октября 1826 года, въ Ганноверѣ. Статья писана, слѣдовательно, въ 1838 году, и этикъ объясняется, почему она не могла появиться въ печати тридцать лѣтъ тому назадъ.

отвѣчалъ Беннигсеній; «председатель велѣлъ положить его подъ красное сукно и никогда не напоминать о немъ». — На вопросъ императора, Кнорингъ отвѣчалъ сѣло: — «Ваше Величество уѣхали, что Савадь вышата, а еяъ нравъ: у него въ мшанинъ болыне мозгу, чѣмъ у Беннигсена въ головѣ». Самъ Кнорингъ рассказывалъ этотъ случай Восткову (*).

Въ 1812 году Беннигсенъ крѣпко домогался быть главнокомандующимъ и старался очернить предъ государемъ Кутузова; но въ тайномъ военномъ совѣтѣ отстояли Кутузова Аракчеевъ, Балашихъ, князь Зубовъ (Платонъ), Кнорингъ и Шишковъ. Послѣ тарутинскаго сраженія, немѣвшаго тѣхъ послѣдствій, какія оно могло бы имѣть, если бы побѣда была полная, Кутузовъ, уже давно поладившій съ начальникомъ своего штаба, сказалъ ему шуточно: «Мы никогда, голубчикъ мой, съ тобою не согласимся. Ты думаешь только о пользѣ Англіи, а не мнѣ, если этотъ островъ сегодня пойдетъ на дно моря, я не охну». Тѣмъ не менѣе Кутузовъ, въ донесеніи своемъ государю, приписалъ всю славу побѣды Беннигсену и ходатайствовалъ о награжденіи его шпагою, съ брилліантами и лавровымъ вѣнкомъ, и 100,000 рублей. Съ тѣмъ же самымъ курьеромъ Беннигсенъ послалъ императору доносъ о томъ, будто фельдмаршалъ, за старостію и лѣтностью, не могъ быть личнымъ свидѣтелемъ тарутинскаго сраженія, и, по обмысленію своему, изложилъ въ преувеличенномъ видѣ собственные заслуги. Государь, утвердивъ представленіе фельдмаршала, возвратилъ доносъ начальника штаба. Кутузовъ отпустилъ ему «съ измысленною жестокостію». Призвавъ къ себѣ Беннигсена, онъ приказалъ капитану Скобелеву громко прочесть свое представленіе, въ которомъ писалъ, что «поручилъ войска сей экспедиція мастатому вождю, увѣчанному лаврине, извѣстному омытностію и распорядительностію», и что «онъ выноинилъ его предначертанія съ мужествомъ и искусствомъ, еге отличающими». Когда чтеніе окончилось, Кутузовъ вручилъ Беннигсену шпагу и сто тысячъ рублей. Но, вслѣдъ за тѣмъ, фельдмаршалъ приказалъ прочесть во вслухъ слышаніе и доносъ своего начальника штаба, возвращенный государемъ. «Беннигсенъ стоялъ, какъ будто громъ разразилъ его, блѣднѣлъ и крас-

(*) Спустя семь лѣтъ, въ 1814 году, послѣ втораго сраженія подъ Бриенномъ, императоръ Александръ, особенно довольный дѣйствіями генерала Сахена, сказалъ: «Какъ чувствую я себя виноватымъ передъ нимъ!... Этому причиною Беннигсенъ: онъ ошлесталъ его передо мною. Надѣюсь однако, что теперь Сахенъ будетъ мною доволенъ». Осматривая потомъ корпусъ Сахена, государь сказалъ: «Ты побѣдилъ не только вѣвншихъ, но и домашнихъ враговъ». Сахенъ получилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго.

нѣтъ... Бутузовъ, безъ дальнихъ церемоній, просилъ его изъ арміи». Беннгсенъ продолжалъ одного носить званіе начальника штаба, распоряжался подъ Малинъ-Ярославцемъ и подъ Краснымъ и присматривалъ, во время этихъ сраженій, резервы къ фельдмаршалу. Раздраженный Бутузовъ гнѣвно встрѣтилъ втораго присланнаго офицера: «Слази своему генералу, что я его не знаю и знать не хочу, и что если онъ пришлетъ ко мнѣ еще разъ, то я велю повѣсить его посланнаго». Послѣ того, Беннгсенъ оставался еще нѣкоторое время при арміи безъ дѣла, но, наслучивъ неопрѣделеннымъ своимъ положеніемъ, уѣхалъ въ Петербургъ.

Въ концѣ біографическаго очерка, авторъ, бросая взглядъ на все боевое поприще, пройденное Беннгсеномъ, не упускаетъ о его дѣятельныхъ заслугахъ, но еще разъ возвращается къ Прейсиш-Эйлау, гдѣ Беннгсенъ могъ бы разгромить французскую армію. «Тогда — прибавилъ онъ — Беннгсену былъ бы воедвигнуть памятникъ.... Но «Богъ отпущеній, Господь, Богъ отпущеній воздалъ ему беззаконіе его, и по лукавствію его посрамилъ его Господь».

Im Auftrage Sr. Majestäts des Königs von Preussen mit dem englischen Expeditionskorps in Abessinien, von Gerhard Rohlfs. Bremen 1869. (По порученію Его Величества короля Прусскаго съ англійскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ въ Абисиніи. Соч. Гергарда Рольфа, Бременъ 1869. Съ портретомъ генерала Нэпира и картою Абисиніи).

Meine Erlebnisse mit dem englischen Expeditionskorps in Abessinien 1867 — 1868, von G. Graf von Seckendorf, Premier-Lieutenant im k. preussischen I. Garde-Regiment. Potsdam, 1869. (Мои походы съ англійскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ въ Абисиніи 1867 — 1868. Соч. графа Г. фонъ-Секандорфа, поручика въ I-мъ прусскомъ гвардейскомъ полку. Потсдамъ 1869. Съ картою Абисиніи).

Авторъ первой изъ этихъ книгъ заслужилъ географическую извѣстность своими прежними путешествіями по Африкѣ и изслѣдованіемъ большой африканской степи (*). Черезъ посредство прус-

(*). Географическая литература обязана ему сочиненіемъ: „Reise durch Marokko, Übersteigung des grossen Atlas, Exploration der Oasen von Taflet, Tunt und Tidikelt und Reise durch die grosse Wüste über Rhadamas nach Tripoli“. (Путе-

слага правительства и по особому порученію прусскаго короля, онъ получилъ дозволеніе съпутствовать английской экспедиціи въ Абисинію. Отъ Сенафе до Магалы Рольфъ состоялъ, въ качествѣ переводчика, при полковникѣ Файрѣ (Phaure), который отправился прежде экспедиціоннаго корпуса, чтобы развѣдочивать страну и сдѣлать удобнѣе дороги и горныя дефиле для марша главнаго отряда. Такимъ образомъ, авторъ постоянно находился при далеко-ушедшемъ впередъ авангардѣ экспедиціи и, кромѣ того, имѣлъ возможность, пользуясь остановками, предпринимать экскурсіи къ наиболѣе интереснымъ пунктамъ, лежащимъ въ сторонѣ отъ главнаго пути. Записки его, въ формѣ дневника, заключаютъ въ себѣ важныя и любопытныя свѣдѣнія не только о географическихъ, этнографическихъ и климатическихъ особенностяхъ страны, пройденной экспедиціей, но и о тѣхъ трудностяхъ, которыя должны были преодолѣвать англичане, по свойству самой мѣстности и по заботамъ о продовольствіи. Отъ Сенафе до Магалы, экспедиціонный корпусъ двигался по изрѣзанному глубокими впадинами горному плато, которое, въ средней своей высотѣ, отъ 8 — 10,000 футовъ, далеко превосходило высочайшія европейскія дефиле. Такіе пункты, какъ долина Джидда, въ 5,600 футовъ надъ уровнемъ моря, обозначены въ запискахъ Рольфа просто какъ «глубоко-лежація». Многія дефиле состояли изъ разсѣлинъ, поднимавшихся почти отвѣсно на нѣсколько тысячъ футовъ.

О дѣлахъ собственно военныхъ авторъ говоритъ въ концѣ своего занимательнаго разсказа, что, впрочемъ, и естественно, потому что только подъ Магалою началась и кончилась абисинская военная драма. Сраженія при Агете, Кимбардирваніе и штурмъ Магалы описаны съ интересными подробностями; но многіе вопросы остаются неразрѣшенными: разсужденія нѣтъ надобно ожидать отъ военныхъ очевидцевъ. Генерала Мерьюессора (Merewether), полковника Файра и г. Миддингера авторъ называетъ душою и двигательною силою всей экспедиціи; главнокомандующаго же, генерала Чэппера, онъ неоднократно порицаетъ за чрезвычайную осторожность, вслѣдствіе которой выступленіе экспедиціи замедлилось на цѣлый мѣсяць. Въ предисловіи высказана, однако, оговорка, что если бы англичане нашли сужденія автора о сэрѣ Робертѣ Нэпирѣ и о его способѣ веденія войны слишкомъ рѣзкими, то не слѣдуетъ забывать, что эти сужденія были

сдѣланы по Марокко, мароккѣ черезъ большой Атласъ, послѣдованіе оазисовъ Тагалета, Туала и Тидивалета и путешествіе по большой степи чрезъ Раданасъ въ Триполъ).

написаны во время самой экспедиции и что тогдашние английскіе корреспонденты еще рѣзче отзывались о томъ же въ английскихъ газетахъ.

Со стороны очень трудно судить, на сколько справедливы и основательны отзывы ученаго путешественника о военныхъ дѣйствіяхъ генерала Нэпира и олдѣуетъ ли приписывать такіе отзывы мимолетнымъ впечатлѣніямъ автора въ его, такъ сказать, специальномъ положеніи невоеннаго человѣка; но то несомнѣнно, что трудъ Рельфа представляетъ много интереснаго, поучительнаго и пояснительнаго объ абиссинской экспедиціи, и, помимо своего значенія для географической науки, должна быть причислена къ существенно-важнымъ матеріаламъ для исторіи экспедиціи.

Въ книгѣ приложена карта центральной Абиссиніи (Original-Karte von Central-Abyssinien), въ масштабѣ 1 : 1,000,000, исполненная Петерманомъ большею частію по неизданнымъ документамъ, съ точнымъ показаніемъ пути экспедиціи до Магдалы. Это, конечно, лучшее изъ обнаруженныхъ донынѣ руководствъ для географическаго знакомства со страной и для изученія англійской экспедиціи.

Послѣ разрушенія Магдалы, Рельфъ оставилъ англійское войско; авторъ же втораго изъ названныхъ выше сочиненій состоялъ при главной квартирѣ сэра Нэпира до самаго отплытія главнокомандующаго. Изъ Англійи графъ Секендорфъ отправился, чрезъ Францію, къ Суэзскому перешейку, а отсюда въ Суллу, мѣсто высадки экспедиціоннаго корпуса, куда прибылъ 5-го января 1868 года, одновременно съ главнокомандующимъ, генералъ-лейтенантомъ сэромъ Робертомъ Нэпиромъ, пріѣхавшимъ изъ Бомбея. Экспедиціонный корпусъ заключалъ въ себѣ 40,000 съ небольшимъ человѣкъ, въ томъ числѣ около 10,000 мѣстныхъ остъ-индскихъ войскъ и болѣе 26,000 индійцевъ, исправлявшихъ, при разныхъ частяхъ, должность фурштатскихъ солдатъ (followers). Для перевозки же тяжестей и для продовольствія находилось въ Суллѣ до 48,000 головъ животныхъ, и между ними, кромѣ лошадей, слоны, верблюды и мулы. Послѣдніе назначались преимущественно для возки семифунтовыхъ горныхъ орудій. Войска двинулись черезъ Сенафе, Аддитератъ и Антало къ Магдалѣ, имѣли 10-го апрѣля дѣло на арогскомъ плато, а 13-го апрѣля овладѣли укрѣпленнымъ замкомъ Магдалою, гдѣ нашли тѣло императора Теодора. Въ первомъ сраженіи англійчане потеряли одного офицера и 19 рядовыхъ ранеными, тогда какъ у абисинцевъ, пораженныхъ смертоноснымъ огнемъ снайдеровыхъ ружей, было 800 убитыхъ и до 1,500 раненыхъ. Штурмъ 13-го апрѣля стоилъ только

одного офицера и 10 рядовых ранеными и доставилъ 20,000 плѣнныхъ. Послѣ пятидневнаго пребыванія на развалинахъ Магдалы, войска выступили въ обратный походъ; 11-го іюня, когда всѣ части были посажены на суда, и сэръ Робертъ Нэпиръ отплылъ изъ Суллы.

Разсказъ графа Секендорфа живъ и занимателенъ. Особенно любопытны сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія о британскихъ военныхъ дѣлахъ въ Индіи, историческій взглядъ на причины распри съ абиссинскимъ царемъ, инструкціи главнаго врача доктора Лочана, которому войска преимущественно были обязаны удовлетворительнымъ состояніемъ здоровья, и указанія на двѣ темныя стороны британскаго военнаго устройства: покупку офицерскихъ чиновъ и слиткомъ долгій срокъ службы.

Бромъ хорошо-обдуманнаго операціоннаго плана и слабого сопротивленія непріятеля, счастье очень благопріятствовало абиссинской экспедиціи: желанные результаты были ею достигнуты прежде чѣмъ явился опаснѣйшій противникъ—періодъ дождей, когда и безъ того неудобная мѣстность становится совершенно непроходимой и недоступною. Громадныя издержки, причиненныя Англій неуваженіемъ царя Теодора къ основнымъ началамъ междунагоднаго права, вознаграждены покаместъ только новымъ доказательствомъ, что отъ европейцевъ исходитъ умственный прогрессъ, упрочивающій за ними господство надъ тѣми народами земли, которые не признаютъ никакого прогресса.

Петерманова карта приложена и къ книгѣ графа Секендорфа.

Прусскій поручикъ Штумъ, принимавшій, вмѣстѣ съ Секендорфомъ, участіе въ абиссинской экспедиціи, состоя при одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ, также издалъ свои записки. Бромъ того, майоръ австрійской службы Кодоличъ, прибывшій на театръ войны впрочемъ уже по взятіи Магдалы, представилъ своему военному министру весьма подробное описаніе экспедиціи, помѣщенное въ журналѣ Штрефлера. Оно издано и отдѣльною книжкою, подъ заглавіемъ: «Die englische Armee in Abyssinien im Feldzuge 1867—1868», съ восемью отдѣльными литографированными листами и 59 полетницами въ текстѣ.

Scherman's Feldzug in Georgien. *Vortrag, gehalten am 30 Oktober 1868 in der Militairischen Gesellschaft zu Berlin von G. v. Meerheimb, Major etc. Berlin 1869.* (Походъ Шермана въ Георгію. Лекція, читанная 30-го октября

1868 года от берлинского военного общества Ф. Моергейбонгъ, Лаврель и пр.)

Причины, почему походъ генерала Шермана въ Георгію былъ избранъ предметомъ подробнаго обсужденія въ берлинскомъ военномъ обществѣ, понять нелгудно. Этотъ походъ имѣлъ, во-первыхъ, чрезвычайнаго важное значеніе на рѣшеніе проваловъ четырехлѣтней американской войны, а во-вторыхъ, именно этотъ эпизодъ войны выказалъ, самымъ характеристическимъ образомъ, особенности ведения войны и колоссальнаго театра военныхъ дѣйствій съ Общей Америкѣ.

Предварительно авторъ бросаетъ взглядъ на внутреннія причины и вѣдшіе поводы къ войнѣ, равно и на самыя военныя дѣйствія до марта 1864 года, когда Грантъ былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣми уніонистскими военными силами. Затѣмъ, приступая къ болѣе подробному изложенію, онъ представляетъ біографическій очеркъ Шермана и разсматриваетъ тотъ театръ войны, на которомъ, согласно общему плану, предстояло Шерману дѣйствовать въ Георгіи съ соединенными арміями кумберлендскою, тенасійскою и огайскою (около 99,000 чел.) противъ арміи конфедератовъ (около 60,000 чел.), предводимой генераломъ Джонстономъ.

Первая половина похода, движеніе Шермана отъ Чатануги къ Атлантѣ, имѣетъ особенный интересъ потому, что Джонстонъ медленно отступалъ, вдоль желѣзной дороги, изъ одной сильной и хорошо выбранной позиціи въ другую, а Шерманъ, обходя и фланговыми маневрами, вытѣснялъ его изъ нихъ, предпринимая, по временамъ, и фронтальную атаку. Атланта удалена отъ Чатануги на тридцать двѣ географическія мили (224 версты); на оттѣсненіе Джонстона къ Атлантѣ Шерманъ употребилъ *шестьдесятъ миль для* — доказательство, съ какими упорствомъ держался предводитель конфедератовъ противъ своего, превосходившаго въ силахъ, противника. Правда, и мѣстность чрезвычайно благоприятствовала оборотѣ Шерманъ потерялъ отъ 17,000 до 18,000 челоуѣкъ; Джонстонъ отъ 12,000 до 13,000; но уніонистскій генералъ восполнилъ свой уронъ привезенными по желѣзной дорогѣ подкрѣпленіями, а сепаратистскій не могъ этого сдѣлать, такъ что подъ Атлантой перевиѣсь съверянъ оказался значительнѣе нежели при началѣ похода (99,000 противъ менѣе 50,000 конфедератовъ).

И вторая половина похода, борьба подъ Атлантою, представляетъ много интересныхъ моментовъ. Генералъ Гудъ, принявшій, вѣдсто Джонстона, главное начальство надъ конфедератами, перешелъ въ на-

ступленіе, которое, однако, не удалось после трехкратных попыток и стоило его армии чувствительных потерь. Принужденный ограничиться обороною, он уверенно отстаивал Атланту. Сначала, Шерманъ хотѣлъ атаковать городъ съ сѣверо-востока, но отказавшись отъ этого намѣренія и повелъ нападеніе съ сѣверо-запада; однако попытка изолировать Атланту разрушеніемъ, ведущей на югъ, желѣзной дороги кончилась разбитіемъ части его кавалеріи, и потому онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ предпринять осаду. И осада была парализована тѣмъ, что кавалерія конфедератовъ, бывшая многочисленнѣе воинныхъ противниковъ, двинулась на сѣверъ, чтобы прервать единственную подвижную линію Шермана со стороны Чатануги. Унионистскій генералъ вышелъ изъ своего крайне-опаснаго положенія съ замѣлательнымъ отвагою: оставивъ подъ Атлантой только одинъ корпусъ, онъ, съ двумя другими, обошелъ, въ южномъ направленіи, растопутую поспіцію Гуда, и, нетревожимый удалявшимся на сѣверъ кавалеріей конфедератовъ, пресѣкъ коммуникаціонную линію противника съ югомъ. Этотъ смѣлый маневръ увѣличался тѣмъ, что Гудъ принужденъ былъ очистить Атланту послѣ сорокадневнаго упорнаго сопротивленія.

Какъ ожесточенна была борьба за Атланту, доказываютъ опрошенные потери съ обѣихъ сторонъ: унионистская армія лишилась 30,000 человекъ, конфедераты болѣе 40,000.

Сентябрь мѣсяць Шерманъ употребилъ на восстановленіе Атланты, долженствовавшей служить ему плацдармомъ и оперною точкою дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ октябрѣ, Гудъ, слышавъ ослабленный для открытаго полевого сраженія, началъ дѣйствовать противъ коммуникаціонной линіи Атланта-Чатануга. Это заставило Шермана послѣдовать за своимъ противникомъ на сѣверъ и опять приблизило его къ Чатанугѣ; однако, быстрыми и искусными движеніями, ему удалось уничтожить послѣднюю попытку Гуда. Возвратясь въ Атланту и убѣдившись въ невозможности удержаться въ Георгіи оборонительно, Шерманъ отважился на чрезвычайно смѣлый, названный вначалѣ несполнимымъ, планъ: «истребляя все», идти къ морю, чтобы «появиться въ тмѣ Чарльстона и выморить его голодомъ».

Эта послѣдняя и самая рѣшительная часть похода, грозившая гибелью, если бы поголовно встало населеніе Георгіи, какъ того требовалъ президентъ Джеферсонъ Дэвисъ, обнаружилла, какъ и предсказалъ Шерманъ, всю безпомощность Юга: съ 55,000 человекъ, онъ, почти не встрѣчая сопротивленія, прошелъ отъ Атланты семьдесятъ четыре географическія мили (518 верстъ) до юговосточной

границы штата Георгія, до Саваны, и притомъ въ относительно-короткое время, именно *въ двадцать три дня*, потерявъ только до пяти сотъ человѣкъ. Это былъ походъ, отличавшійся такими разнообразными особенностями—нѣчто похожее на рѣдко случающееся эксцентрическое наступленіе—что нельзя не поблагодарить автора за обстоятельное изложеніе именно послѣдней части дѣйствій Шермана. Авторъ пользовался лучшими и новѣйшими американскими источниками, что и позволило пролить свѣтъ на руководящія мысли Шермана сообщеніемъ его приказовъ и его переписки съ Грантомъ и съ Линкольномъ. Необходимость своего «истребительнаго» похода чрезъ Георгію, продолженнаго потомъ чрезъ Южную Каролину, съ еще большими сценами всякаго рода ужасовъ, уніонистскій генералъ объясняетъ, въ письмѣ къ Гранту, слѣдующими словами: «Нашъ способъ веденія войны отличенъ отъ европейскаго; мы воюемъ не съ непріятельскими арміями, но съ враждебнымъ народомъ; старые и молодые, богатые и бѣдные должны почувствовать желѣзную руку войны такъ же, какъ и организованныя арміи». Но когда сецессионисты были смиренны, Шерманъ явилъ себя милостивымъ и снисходительнымъ къ побѣжденнымъ, какъ то доказываетъ его капитуляція, заключенная съ Джонстономъ и нератификованная въ Вашингтонѣ.

На высотѣ своей славы, Шерманъ написалъ слѣдующія знаменательныя строки: «Я утомленъ войною; весь ея блескъ, вся ея слава—обманчивый призракъ; всякій успѣхъ купленъ достойнымъ слезъ посѣвомъ крови и бѣдствій. Мы должны были сохранить Союзъ или погибнуть; мы должны были подавить отложеніе; теперь же, когда непріятель побѣжденъ, мнѣ хочется сказать каждому мятежнику: «поди и больше не грѣши!»

Въ концѣ своего изслѣдованія, весьма основательнаго и богатаго многими новыми выводами, авторъ представляетъ параллельную характеристику личностей Шермана и Гранта, что крайне интересно особенно теперь, когда одинъ изъ этихъ генераловъ занимаетъ высокій постъ президента Союза, а другой главнокомандующаго союзной арміей.

Карта Георгія, отъ Чатануги до Саваны, съ показаніемъ марша колонъ Шермана отъ Атланты до Саваны, облегчаетъ пониманіе необыкновеннаго похода, достойнаго тщательнаго изученія во всѣхъ его своеобразныхъ подробностяхъ.

Нѣсколько замѣтокъ по поводу книги Вамбери: «Путешествіе по Средней Азіи», изд. 1865 года. С.-Петербургъ.

Книга г. Вамбери заняла одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ между европейскими изданіями нынѣшняго (1865) года, и въ особенности интересна для насъ, русскихъ», говорятъ издатели въ предисловіи къ ней.

Безъ всякаго посягательства на значеніе Вамбери, какъ весьма отважнаго и наблюдательнаго путешественника, я позволяю себѣ сдѣлать нѣсколько краткихъ замѣчаній на нѣкоторыя мѣста его книги, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду то, что она, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ большой интересъ для насъ, русскихъ.

Нѣкоторыя замѣтки могутъ показаться мелочными; но пусть онѣ будутъ мелочны: онѣ все-таки пополняютъ наши не совсѣмъ богатые свѣдѣнія о Средней Азіи.

Напримѣръ:

Въ ночевкахъ турменовъ, на берегъ рѣки Гергена (стр. 38), авторъ съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на турменскую «молодежь въ короткой верховой одеждѣ, со смѣлыми взглядами, съ волосами, *разсыпавшимися кудрями по плечамъ*»...

Противъ этого можно замѣтить, что всѣ *сунниты* (а туркмены—сунниты), согласно предписаній своего пророка, сбиваютъ волосы на головахъ, даже 3 и 4-лѣтнихъ мальчиковъ. Персіяне, исповѣдая другой мусульманскій толкъ, *шиизмъ*, носятъ, и малый и старый, волосы длинные, въ особенности на вискахъ.

На стр. 63 есть такое примѣчаніе: «*Бай или би, въ Турціи бей, значитъ особа знатнаго происхожденія*».

Дѣло, видите, въ томъ, что Вамбери остановился почевать у нѣкоего богача Алланазара-бей, а потому и объясняетъ слово *бей*. Но зачѣмъ это сочетаніе столькихъ ничего необъясняющихъ словъ: *бай, би, бей?*...

Бай, по-здѣшнему, значитъ богатый, и присоединяется къ имени всякаго капиталиста, даже противъ его воли, молвой: *Масамъ-бай, Мирсалихъ-бай* (ташкентцы), *Арыфджанъ-бай* (сармакандецъ), *Мирсалимъ-бай* (кованецъ) и т. д. Все это люди съ капиталами, какъ и амфитріонъ Вамбери, *Алланазаръ-бай*, а не *бей*. *Би*, или *бий*, дѣйствительно, означаетъ знатныхъ предковъ; *би* превращаются иногда даже въ хановъ. Такъ, *Нарбута-би* основалъ теперешнюю коканскую династію; *Рахимъ-би* бухарскую. Можетъ быть, турецкій *бей* и подходитъ къ *бію*, но такъ онъ здѣсь не произносится.

На стр. 95, Вамбери весьма распространенную въ Бухарѣ болѣзнь *ришта* называетъ *flaria medinensis*; а Борнсъ, на 259 стр. своего путешествія въ Среднюю Азію, изд. 1849 года, ту же болѣзнь назвалъ *семейскимъ червемъ* или *dracunculus*.

Какое же изъ двухъ названій вѣрнѣе? И когда наши врачи узнаютъ и напишутъ во всеобщее свѣдѣніе все, что касается здѣшнихъ мѣстныхъ болѣзней?...

На стр. 98 Вамбери называетъ эмира бухарскаго *испытаннымъ экономистомъ* (1), и прибавляетъ, что ежедневный кухонный расходъ дворца составляетъ отъ 16 до 20 тенга. По-русски это будетъ *отъ 3 руб. 20 коп. до 4 руб.* Между тѣмъ, выше сказано, что у эмира четыре законныхъ жены, 20 невольницъ и 16 человѣкъ дѣтей. А самъ онъ, а мужская прислуга? Нѣтъ, что ни говорите, а тутъ дѣло неладно. По рассказамъ, въ гаремѣ эмира живетъ *болше 300 женщинъ*, считая и прислугу; кромѣ того, у него множество камердинеровъ (нахрамъ), придверниковъ (дарбонъ), конюховъ и т. п., которые, конечно, живутъ во дворцѣ и ѣдятъ лепешки, мясо и рисъ (палау) за обѣ щечи. И неужели все это на 4 рубля въ день? Нѣтъ! эмиръ живетъ въ довольствѣ: ѣсть онъ сладко, на серебрѣ и фарфорѣ; одѣтъ въ шелкъ, бархатъ и золото.

Стр. 102 имѣетъ такое примѣчаніе: «*Турецкое названіе мильныхъ столбовъ—таишъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, обозначаетъ и милью*».

Таишъ на узбекско-тюркскомъ нарѣчій значить *камень*. По дорогѣ между Ходжентомъ и Боканомъ, я видѣлъ огромные голыши, лежащіе другъ отъ друга ровно на восемь верстъ, что и составляетъ линейную мѣру *таишъ*. Камни эти разложены будто-бы при Мадали-ханѣ, убитомъ въ 1842 году. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ камни лежатъ посреди самой дороги и возчики (арбакещъ), слѣдуя по дорогѣ, отнюдь не задѣваютъ за нихъ, ловко пропуская ихъ между колесами арбы.

На стр. 103, авторъ, изъ мѣстечка Карасу, ѣдетъ *черезъ горы* въ Дауль, послѣднюю станцію передъ Самаркандомъ. Развѣ въ 1863 году, когда проѣзжалъ тутъ Вамбери, въ этихъ мѣстахъ были горы; но теперь горъ здѣсь нѣтъ. Есть въ одномъ мѣстѣ дорога въ крутыхъ логахъ по холмистой мѣстности, но развѣ эти холмы могутъ быть названы горами, рядомъ съ тѣми твердынями, которыя тутъ же въ виду стоятъ одѣтыя тучами?

На той же страницѣ, нѣсколько ниже, Вамбери говоритъ (въ виду Самарканда), что «*первое впечатлѣніе сълхъ этихъ разноцѣпныхъ куполовъ и минаретовъ, облитыхъ лучами солнца, было очень пріятное*».

Во-первыхъ, ему не откуда было видѣть *разноцвѣтные куполы и минареты*: дорога въ Самаркандъ изъ Катта-Бургана, на большое разстояніе отъ самаркандскихъ стѣнъ, сплошь покрыта садами и возвышенностей не представляетъ, да и куполы кажутся равноцвѣтными съ дистанціи самой близкой; издали же всё куполы и минареты (которыхъ четыре) просто какіе-то нестройныя массы, и издали можно видѣть ихъ только съ высотъ *Чупамъ-ата* (*) (на востокъ отъ города), и не облитыя лучами утренняго солнца, потому что утромъ надъ городомъ тучею стоитъ дымъ: «справовѣрныя» въ это время варятъ пищу; напротивъ, за нѣсколько часовъ до заката, можно любоваться городомъ съ холмовъ, недалеко отъ воротъ *Шахъ-Зинде*, что въ сѣверо-восточной части стѣны. Тутъ картинно глянуть на васъ: часть разноцвѣтнаго купола мечети *Шахъ-Зинде* и медресе *Ханымъ*, почти уже разваливагося, но когда-то, безъ сомнѣнія, прекраснаго своимъ бирюзовымъ куполомъ подъ ясною лазурью неба и среди роскошной зелени окружающихъ зданіе деревьевъ. Что же касается остальныхъ румбовъ компаса, то отовсюду Самаркандъ закрытъ садами и стѣной.

На стр. 105, по поводу знаменитаго *какташа* (зеленаго камня), на которомъ сидѣлъ когда-то Тимуръ, Вамбери говоритъ, что, *судя по преданію*, этотъ огромный камень (10 футовъ длины, 4 фута ширины и 4½ ф высоты) былъ перенесенъ сюда изъ Бруссы. Впрочемъ, г. Вамбери это путешествіе камня кажется страннымъ.

Я слышалъ здѣсь отъ людей старыхъ, что камень этотъ выломанъ въ горахъ Нурата, всего на 5-ть дней пути отъ Самарканда.

106-я страница знакомитъ насъ съ *кораномъ in-folio, написаннымъ на кожѣ иззелей*. «Меня увѣрили, говоритъ Вамбери, что эта самая копія, которую списалъ Османъ, секретарь Мохамеда и второй халифъ, и что ее привезъ Тимуръ изъ сокровищницы султана Баязида, изъ Бруссы, и спряталъ здѣсь, какъ особенную драгоценность.»

Преданіе объ этомъ коранѣ, записанное мною здѣсь, въ Самаркандѣ, съ разсказа моего пріятеля мулы Собира, 65-лѣтняго старика, я помѣщу въ концѣ моихъ замѣтокъ, а здѣсь буду продолжать исправленіе погрѣшностей смѣлаго венгерскаго туриста.

Развалины медресе *Ханымъ*, показанныя Вамбери (стр. 107) около *дверазъ-бухары*, т. е. около бухарскихъ воротъ, находятся въ сѣверо-западной части города, недалеко отъ воротъ *шахъ-зинде*, въ которыя вѣзжаютъ въ Самаркандъ изъ Ташкента.

(*) У Вамбери названъ неправильно: *Хибаната*.

По словамъ Вамбери, *пилава* (по здѣшнему палáу) состоитъ изъ риса, бараняго жира и моркови; *и все это варится вмѣстѣ, или, правильнѣе сказать, подвергается броженію* (стр. 110).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что каждый изъ названныхъ ингредиентов варится особо, иначе изъ пилава выйдетъ крахмалъ съ кусками мяса, а не то, что видѣлъ всякій, бывавшій здѣсь, т. е. рассыпчатую кашу, перемѣшанную съ кусками мяса, разными сортами мѣстнаго гороха, иногда изюмомъ, и облитую жиромъ (или коровьимъ масломъ, если вы не любите жира).

Вамбери говоритъ также, что въ Карши (*) *евреи пользуются правомъ въѣзда во внутрь города, чего имъ не позволяется въ другихъ частяхъ ханства* (стр. 113).

Я провѣрялъ это сказаніе и мнѣ говорили, что въ мусульманскихъ государствахъ евреи всюду одинаково презираются, а потому нигдѣ не могутъ ѣздить верхомъ по городу и подпоясывать иной поясъ, кромѣ волосяной веревки. Само собою разумѣется, что въ нашихъ среднеазиатскихъ городахъ человѣческія права сыновъ Израиля восстановлены.

Трактую о торговлѣ Хивы съ Бухарою (стр. 170), Вамбери говоритъ, что изъ Хивы везутъ въ Бухару, между прочимъ, *полотна*.

Я не знаю, въ какой мѣрѣ здѣшнія бѣлыя *бумажныя* ткани могутъ быть названы *полотнами*; но настоящихъ полотенъ, какъ принято называть ткани льняныя, здѣсь нѣтъ и въ поминѣ.

На слѣдующей (171) страницѣ Вамбери сообщаетъ, что «Хива населена узбеками, туркменами, каракалпаками, касакими, или киргизами, сартами и персіянами».

Всѣ эти народы, кромѣ сартовъ или таджиковъ и персіянъ, суть *узбеки*. Это родовое ихъ названіе. Великій народъ узбекскій дѣлится на 92 колѣна, въ числѣ которыхъ есть: туркмены, киргизы, найманы, турки, ногаи, татары и т. п. Впрочемъ, объ этомъ будетъ говорено мною особо.

На стр. 176—й авторъ упоминаетъ о какой—то *неслышанной рѣзнѣ*, бывшей между русскими и хивинцами во время похода въ Хиву, въ 1839 году, генерала Перовскаго. Ужъ именно *неслышанная рѣзня!*...

Извѣстно, что отрядъ Перовскаго вернулся на оренбургскую линію съ полдороги, не видѣвъ другаго непріятели, кромѣ холода и вообще трудностей пути по степи. Между тѣмъ, въ примѣчаніи на той—же страницѣ Вамбери говоритъ еще о какомъ—то *небываломъ*

(*) Городъ этотъ лежитъ на ю. в. отъ Самарканды, на р. Кашка-Дарья.

натискъ связныхъ силъ узбековъ, противъ котораго не могли устоять русскіе....

Страница 185-я знакомитъ насъ съ формами правленія въ Бухарѣ и съ бухарскимъ чиновничествомъ. Тутъ же г. Вамбери предлагаетъ чиновную лѣствицу, раздѣляющуюся, будто бы, на три отдѣленія, а именно:

а) Кетте-сипаги: 1) аталыкъ, 2) диванбеги, 3) перванеджи.

б) Орта-сипаги: 4) тохсабой или туксабеги, 5) инагъ, 6) миакоръ.

в) Ашаги-сипаги: 7) чорагаси или чегре-агаси, 8) мирза-баша, 9) ясаулбеги или караулбеги, 10) юзбаша, 11) пенджабаша, 12) онбаша.

Затѣмъ г. Вамбери пересчиталъ слѣдующихъ придворныхъ чиновъ: кушбеги или визирь, мехтеръ, дестурханджи (экономъ), заветчи (таможенный сборщикъ), махремъ (камергеръ), оаджи (придверникъ), бакаулы (провіантмейстеры) и саламагази (глашатаи).

Этотъ списокъ чиновъ требуетъ поправки и пополненія. Начну съ того, что бухарская нація раздѣляется: 1) на *духовенство*, 2) *служилыхъ* (сипаи), 3) *сеидовъ* и *ходжей* и 4) *собственно народъ*, *чернь* (фукара). Сеиды и ходжи составляютъ именно то, что у насъ зовется дворянствомъ; о нихъ будетъ сказано ниже. Затѣмъ, есть еще одинъ классъ, такъ называемые, *шакирды-ниша*, которые тоже могутъ быть названы *служилыми*; но они состоятъ исключительно изъ персидскихъ рабовъ, отпущенныхъ на волю, или изъ персіанъ-эмигрантовъ (ирані). Каждое изъ этихъ сословій имѣетъ свою чиновную іерархію. Прошу читателя вооружиться терпѣніемъ и прочесть нижеслѣдующіе списки разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ:

Чины духовные: аванчи — призываетъ къ молитвѣ (звонарь), суфи — чтець, имагъ — приходскій священникъ, раисъ — охранитель религіи, аглямъ — прокуроръ, казы — судья, казы-калянъ — верховный судья.

Чины духовные же въ медресе (высшихъ духовныхъ училищахъ): мулла — студентъ, мутевали — экономъ, медарисъ — профессоръ.

Кромѣ ихъ, есть въ медресе чтецы корана, называемые: *мажсура-ханъ*; есть *шаихъ*, собирающій съ прохожихъ и богомольцевъ подачки, но это чины второстепенные.

Чины военные: онбаша или дабаша — десятникъ, панджабаша — пятидесятникъ, юзбаша — сотникъ, мынбаша — тысяченачальникъ.

Это послѣднее званіе въ конницѣ замѣняется словомъ *серкерда*,

а въ артилеріи—*топчі-баши*. Бромъ этихъ званій, *служилымъ* даются еще нижеслѣдующія званія: чорагасы, мирза-баши, дживачи, караулъ-беги, мирахуръ, токсаба, ишигъ-ага-баши, би или бій, датха.

Служилые изъ шакирдъ-пиша дослуживаются только до званія *датха*. Узбеки же, какъ племя господствующее, продолжаютъ повышаться: парманачи, инагъ-калянъ, диванъ-беги (титულъ этотъ получаютъ исключительно происходящіе изъ узбекскаго колѣна *мангыт*, изъ котораго происходитъ теперешняя бухарская династія), аталыкъ (это званіе дается преимущественно происходящимъ изъ поколѣнія хулюгъ).

Служилые *при дворѣ* (по преимуществу изъ шакирдъ-пиша) имѣютъ слѣдующія званія: дарбонъ—предверникъ, шатиръ—стремяной, сомі—шуть и сказочникъ, джабарчи—чтець, актеръ, саламъ-агаси—глашатай, отвѣчающій за эмира на привѣтствія народа, махрамъ—камеръ-лакей, шигаулъ—камеръ-юнкеръ, одайчи—генералъ-адъютантъ, докладчикъ, кушбеги—первый министръ.

Полицейскіе чины суть: курбачи—полицеймейстеръ, аксакаль—староста, миршабы (господа ночи)—полицейскіе.

Органы власти *при сборѣ поземельныхъ* и другихъ *податей*: амляндаръ—участковый сборщикъ, мирза—писарь, дарга—младшій сборщикъ, закетчи—таможенный сборщикъ, аламанъ—сборщикъ съ земель, принадлежащихъ разнымъ духовнымъ учрежденіямъ.

Власти земскія: аминъ—голова, аксакаль—староста.

Затѣмъ остаются *ходжи* (*); но о нихъ, какъ и о *сеидахъ*, я собою подробнѣе.

Толкованія о происхожденіи ходжей и сеидовъ весьма разнообразны; болѣе достовѣрнымъ и популярнымъ считаются слѣдующія:

1) По линіи самого пророка *Магомеда*, званіе *сеидъ* присуще всѣмъ происходящимъ отъ его отца *Абдулы*, дѣда *Габди-Муталиба* и прадѣда *Хашима* (**).

2) По линіи пророка *Али*, женатаго на дочери Магомеда *Фатмы* (тоже святой), званіе сеидъ принадлежитъ какъ потомкамъ Али и Фатмы, такъ и всѣмъ происходящимъ отъ отца Али Абу-Муталиба, прадѣда Фатмы, Габди-Муталиба, и прапрадѣда ея, Хашима.

Эта генеалогія даетъ будто бы чистыхъ сеидовъ, имѣющихъ *шаджаръ* (грамоты), подтверждавшіяся каждый разъ при вступленіи на царство новаго эмира его печатью. Всѣ, неимѣющіе подобныхъ гра-

(*) Ходжи не должны быть смѣшиваемы съ *хаджа*, т. е. пилигримами,

(**) См. ниже родословную.

шоть, должны считаться псевдо—сеидами, кановыхъ, будто бы, весьма много, благодаря тому, что въ толкованіи начала этого званія вышелъ расколъ. Извѣстно, что и сами владѣтели средне—азіятскіе носятъ званіе *сеидъ* произвольно. Напримѣръ, *сеидъ*—Мухаммедъ—Худояръ—ханъ конанскій—родомъ киргизъ или даже кара—киргизъ, потомокъ Нарбуты—бія, основавшаго нынѣ—царствующую въ Боканѣ династію въ концѣ XVII столѣтія. Бухарскій эмиръ—*сеидъ*—Мозаффаръ—ханъ, родомъ узбекъ изъ колѣна мангытъ.

Что же касается званія *ходжи*, то оно принадлежитъ всѣмъ потомкамъ первыхъ трехъ халифовъ (преемниковъ Магомеда): *Абубекра—Сыдыка, Омара и Османа*.

Сеиды и *ходжи* занимаютъ и духовныя, и свѣтскія должности, и, сообразно ихъ, носятъ разные титулы; но кромѣ того, они имѣютъ еще свою собственную іерархію: уракъ, судуръ, мирасадъ, шейхуль—исламъ, ходжа—калянъ, файзаръ, наибъ (высшая степень).

Конечно, Вамбери собиралъ свѣдѣнія при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ, а потому крупныя ошибки съ его стороны были неизбѣжны.

На стр. 194, говоря о смерти эмира Насръ—Уллы (отецъ настоящаго), Вамбери утверждаетъ, «что смерть этого государя произошла отъ припадка гвѣва, овладѣвшаго имъ послѣ постоянно—неудачныхъ походовъ въ Боканъ, и отъ неслыханнаго упорства, съ которымъ Шегри—Сибъ (на югъ отъ Самарканда) противостоялъ тридцати сраженіямъ и шестимѣсячной осадѣ». Затѣмъ Вамбери говоритъ, что противникомъ эмира былъ бекъ Шарсабиза (какъ въ просторѣчій называютъ Шегри—Сибъ), нѣкто *Валинамъ*, на сестрѣ котораго Насръ—Улла былъ женатъ, а потому, съ досады и злости, онъ приказалъ ее зарѣзать....

Все это было не такъ. Насръ—Улла взялъ Шарсабизъ, отнялъ у одного изъ тамошнихъ бековъ, а именно у Якуба, его жену, неслыханную красавицу, по имени *Баниезъ—Аимъ* (сестру Валинама) и отправился въ Бухару.... Но послѣ этого эмиръ не прожилъ и года, потому что красавица, любившая прежняго мужа и свою угнетенную родину, налила своему царственному супругу въ ухо ртути, и эмиръ, въ одно прекрасное время, умеръ въ государственномъ совѣтѣ, успѣвъ, однако, казнить преступницу, которая, послѣ пытокъ, во всемъ созналась и была зарѣзана вмѣстѣ съ двоими дѣтьми отъ перваго брака. Я слышалъ не одинъ отзывъ о необычайной красотѣ этой женщины, несмотря на то, что у нея было уже нѣсколько человекъ дѣтей.

Черезъ нѣсколько страницъ далѣе, г. Вамбери сообщаетъ, что кашгарскіе солдаты, хотя и мусульмане, но *должны отпускать усы, тогда какъ, по ученію ислама, верхняя губа должна быть чисто выбрита* (стр. 199).

Противъ этого я скажу словами самого-же г. Вамбери (см. стр. 163): *обрить бороду* (а также и усы, добавлю я) *значитъ или прослыть сумасшедшимъ, или обречь себя на смертную казнь*.

Это вѣрно. Мусульмане только подстригаютъ усы надъ губою и слегка дѣйствительно подбриваютъ ихъ, но что-бы они *чисто выбривали верхнюю губу*, я не видѣлъ и не слышалъ, и не сомнѣваюсь, что это въ самомъ дѣлѣ можетъ повлечь за собою весьма неблагоприятныя послѣдствія, по крайней мѣрѣ, въ родѣ широкой и толстой ремянной плети—охранительницы религіи.

209-ю страницю книги Вамбери начинается обзоръніе земледѣлія и промышленности среднеазіатскихъ ханствъ. Между прочими продуктами авторъ называетъ *джугари* или *Holcus saccharatus*; но ту же джугари *Борнсъ*, въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего путешествія сюда, величаетъ *Holcus sorghum*.... Кто правъ—про то скажутъ спеціалисты, а мнѣ пора кончить; но, предварительно обѣщаннаго выше преданія о коранѣ, нельзя пройти мимо страницы 24-й:

Въ Ашурадѣ (русскій постъ на южномъ берегу Каспія), проѣзжая мимо русскихъ моряковъ, Вамбери слышалъ на свой счетъ такое замѣчаніе офицеровъ: *«Смотрите, какой бѣлый этотъ хаджи!»*...

Интересно знать, на какомъ языкѣ были сказаны эти слова?... Но вотъ преданіе о *первомъ коранѣ*.

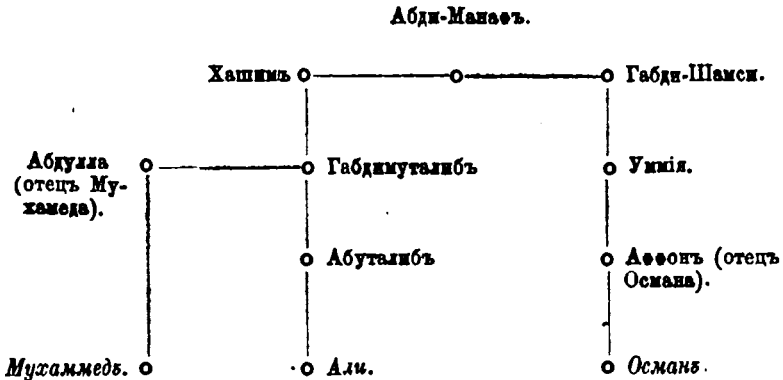
По смерти пророка Мухаммеда, ему наслѣдовали *халифѣ*, т. е. преемники, въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: 1) тестъ пророка *Абубекръ*, 2) тестъ-же *Омаръ*, 3) дальній родственникъ и зять пророка *Османъ* и 4) двоюродный братъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, также зять пророка *Али*.

Этотъ порядокъ наслѣдія завѣщанъ пророкомъ. Всѣ халифѣ были очень близки къ пророку, при его жизни; но Османъ былъ особенно любимъ Мухамедомъ и по смерти жены Османа *Руккія*, дочери Мухамеда, послѣдній сказалъ: «Если Богъ взялъ у Османа одну нашу дочь, то мы дадимъ Осману другую». И младшая дочь пророка, *Зейнебъ*, стала женою Османа. Эта-же привязанность Мухамеда къ Осману была причиною того, что и въ правѣ наслѣдія Османъ получилъ старшинство передъ Али, который и по лѣтамъ, и по близкому родству съ пророкомъ, имѣлъ преимущества передъ Османомъ. Но Мухамедъ очень любилъ Османа и надѣялся на него въ дѣлѣ пропа-

ганды ислама какъ на себя, потому что Али и въ ту пору началъ уже варіировать догматы новой религіи. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, варіанты эти дали ученіе шиитовъ, которые считаютъ первымъ пророкомъ Али, а не Мухамеда.

При жизни Мухамеда, Али не выражалъ своего неудовольствія на предпочтеніе ему Османа; но какъ только умеръ пророкъ, Али пересталъ таить свои мысли и между нимъ и Османомъ начался разладъ.

Родство ихъ съ пророкомъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Османъ является здѣсь дальнимъ родственникомъ пророка, но, тѣмъ не менѣе, въ силу завѣщанія Мухамеда, послѣ тестя его Омара халифомъ сталъ Османъ. Онъ ревностно продолжалъ проповѣдь ислама (чистой вѣры), и положилъ начало законодательству. Пророкъ передавалъ свое ученіе по большей части изустно, и рѣчи его записывались каждый разъ кѣмъ-либо изъ присутствовавшихъ, чаще же всего Османомъ, а потому Османъ, сдѣлавшись халифомъ, собралъ проповѣди и своею рукою переписалъ ихъ. Этотъ первый сборникъ и есть *коранъ* или, правильнѣе, *кураанъ*, т. е. ученіе переданное Богомъ пророку. Кураанъ извѣстенъ также здѣсь подъ именемъ *калямъ-шерифъ*—священное, благородное перо. Толкованія на кураанъ, писанныя Мухамедомъ, называются *мушкотъ-шерифъ*, т. е. священныя наставленія, и составляютъ ученіе, завѣщанное собственно пророкомъ. Поэтому авторомъ *кураана*, безъ сомнѣнія, можетъ быть названъ третій халифъ, Османъ, до котораго исламъ не имѣлъ кодекса. Написавъ книгу, Османъ съ большимъ успѣхомъ продолжалъ проповѣдь, не подозрѣвая, что неудовольствіе на него Али дошло до того, что ковни самолюбиваго брата пророка приняли уже тотъ ужасный характеръ, какой онѣ принимаютъ и доселѣ во всѣхъ мусульманскихъ

государствахъ: Али рѣшился избавиться отъ своего соперника... И Османъ былъ зарѣванъ будто-бы во время чтенія той книги, которая и доселѣ многимъ миліонамъ указываетъ ихъ жизнь и смерть, и которая теперь найдена въ Самаркандѣ. Слѣды крови Османа остались на книгѣ.

Книга писана на прямоугольныхъ кускахъ пергамента, болѣе полуаршина шириною и въ аршинъ длины.

Судя по всей наружности книги, нельзя не признать за нею глубокую древность. Несомнѣнно, что она писана въ то время, когда не было еще бумаги, а письмо арабовъ, послужившее впоследствии образцомъ всѣмъ мусульманскимъ народамъ, было крайне несовершенно. Куранъ Османа, первообразъ этой книги, подлинникъ; онъ не «копія», какъ называетъ его Вамбери, *только списанная Османомъ, будто-бы секретаремъ Мухамеда*; нѣтъ, здѣшніе мусульмане глубоко убѣждены по преданію, что куранъ Ходжа-Ахраръ составленъ изъ проповѣдей пророка третьимъ халифомъ Османомъ и переписанъ его собственною «святою» рукою. Но смиренно уступимъ мѣсто жрецамъ науки и разскажемъ преданіе о томъ, какъ попала эта книга въ Самаркандъ.

Лѣтъ 400, а можетъ быть и болѣе тому назадъ, въ Ташкентѣ появился выходецъ изъ Стамбула, *Шейх-ауанди-тауръ* (чистый князь). Умный, ученый, богатый, набожный и благотворительный *Шейхъ* скоро былъ признанъ за святаго, и умеръ святымъ, увѣловъ память свою очень крѣпко въ названіи одной изъ четырехъ частей города Ташкента, называемой и доселѣ *Шайхантауръ*. Шейхъ оставилъ послѣ себя множество потомковъ съ хорошимъ именемъ и съ хорошимъ состояніемъ, и вотъ одинъ изъ нихъ, нѣкто *Ходжа-Ахраръ*, избравшій путь своего знаменитаго предка, переѣзжаетъ изъ Ташкента въ Самаркандъ, окружаетъ себя учениками и становится *пиромъ*, т. е. духовнымъ наставникомъ отдѣльнаго кружка. Ходжа-Ахраръ строитъ медресе, поучаетъ въ немъ, ведетъ строгую жизнь, отправляетъ на свой счетъ толпы пилигримовъ въ Мекку, и скоро отъ Мекки и до Кашгара проходятъ слухи о появленіи въ Самаркандѣ новаго источника чистой вѣры, въ лицѣ потомка святаго Шейх-ауанди-таура. Слава добродѣтелей Ахрара выросла наконецъ до того, что однажды *юриды* (ученики) его, возвратившись изъ Мекки, принесли своему *пиру* нѣкія хартіи и разсказали, что были они гостями халифа (которымъ тогда былъ второй или третій преемникъ султана Баязида-Ильдирима), что халифъ видѣлъ во снѣ его, ихъ пира, святаго Ходжа-Ахрара, и что въ память этого прислалъ ему, Ходжа-

Ахрару, *кураанъ*, писанный «святою» рукою третьяго халифа Османа. Ходжа-Ахраръ принялъ подарокъ и оставилъ его въ наслѣдіе построенному имъ медресе. Книга долгое время пользовалась уваженіемъ, хотя читать ее никто не могъ и не можетъ доселѣ. 65-лѣтній пріятель мой, мулла Собрить, самъ завзятый грамотѣй, говорилъ мнѣ, что, 48 лѣтъ тому назадъ, куранъ медресе Ходжа-Ахраръ читалъ какой-то пріѣзжій изъ Россіи татаринъ, плакалъ надъ кровью халифа, и что старый и малый сбѣгались слушать и дивиться на татарина, какъ на чудо. Въ прежнее время книга приносила изрядный доходъ ея владѣльцамъ—мулламъ медресе Ходжа-Ахраръ, потому что усердные мусульмане приходили въ медресе въ разныхъ случаяхъ жизни, клали на куранъ деньги, смотря по средствамъ, и читали надъ книгою молитву.... Но въ последнее время усердіе провинныхъ оскудѣло и голодные муллы уступили книгу очень охотно и недорого.

Мы, русскіе, болѣе другихъ націй заинтересованные своими сосѣдями и подданными, среднеазіятцами, имѣемъ несомнѣнныя права на ихъ древности. *Первый куранъ* долженъ быть достояніемъ русской науки, и наука разслѣдуетъ его происхожденіе. Здѣсь же сказано мною только то, что сохранили преданія.

Я кончилъ замѣтки на янгу Вамбери, и не могу не выразить, что и кромѣ Вамбери, европейскія, въ томъ числѣ и русскія, сказанія о Средней Азіи вообще весьма неточны, а подчасъ даже и фантастичны до того, что въ нихъ едва-едва узнаешь настоящую Среднюю Азію.

А. П. Хорошкинъ.

1869 года.
Самаркандъ.